СОЧИНЕНІЯ

КНЯЖНИНА

(якова борисовича.)

томъ первый.

Издание Алменнора, Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи книжи. маг. п. крашенинникова и коми.

1847.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ трагедію Якова Борисовича Княжнина «Владиміръ и Ярополкъ». Она написана въ 1772 году. Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ русскихъ лѣтописей. Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» имѣется лѣтописный разсказъ объ убійствѣ Владиміромъ Святославичемъ его брата, кіевскаго князя Ярополка. Тамъ же говорится о притязаніяхъ обоихъ братьевъ на полоцкую княжну Рогнѣду.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ источникомъ отъ 1847 года ¹ съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

_

¹ Княжнинъ, Я.Б. Владиміръ и Ярополкъ // Сочиненія Княжнина (Якова Борисовича). Т. 1. [Драматическія произведенія] [Текстъ]: [въ 2 т.]. – Санктъ-Петербургъ: Изд. А. Смирдина, 1847 (Въ тип. книжн. маг. П. Крашенинникова и комп.). – [6], 720 с. – (Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ). – С. 309–383.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЖНИНА

(ЯКОВА БОРИСОВИЧА.)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Печатать позволяется, съ тъмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 12 декабря 1846 года.

Ценсоръ С. Куторга.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи книжн. маг. П. Крашенинникова и комп.

1847.

ВЛАДИМІРЪ и ЯРОПОКЪ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ

пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ.

дъйствующіе.

Ярополкъ, князь кіевскій. Владиміръ, князь новгородскій.

сыны Святослава, князя всероссійскаго.

Рогнѣда, княжна полоцкая.

Клеомена, княжна греческая, плѣненная Святославомъ при покореніи Херсонеса и живущая у Ярополка.

Свадель, вельможа Ярополковъ. **Вадимъ**, вельможа Владиміровъ.

Вальмира, наперсница Рогнѣдина.

Дъйствіе въ Кіевъ, въ княжескихъ чертогахъ.

ВЛАДИМІРЪ и ЯРОПОЛКЪ.

ДЪЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

СВАДЕЛЬ.

Въ печальныхъ Кіева стѣнахь Вадима зря, Могу ль надѣяться, что тихая заря По грозныхъ буряхъ намъ отъ Волхова блистаетъ? Ужель Владиміръ мечъ злодѣйственный влагаетъ, Который въ ярости на брата устремлялъ? Россію росскій князь Россіей истреблялъ! Ужель отрада есть стенящему народу?

ВАДИМЪ.

Сомненья не имъй; и радуйся приходу Владиміра въ сей градъ. Внимай желанну въсть, Творящую тебъ, Свадель, безсмертну честь; Вкушай плоды твоей къ отечеству любови. Ты словомъ заградилъ потоки общей крови, Изъ рукъ исторгнувъ мечъ у князя моего, Изъ тигра въ агнца ты преобратилъ его. Увъдомленъ тобой, что жаръ исчезъ той страсти, Въ которой Ярополкъ, Россіянъ для напасти, Рогнъдою горя, ему соперникъ былъ,

Въ раскаяніе гнѣвъ Владиміръ премѣнилъ; И, чая окончать онъ страстна сердца стоны, Быть добродѣтельнымъ не зритъ себѣ препоны.

СВАДЕЛЬ.

Блаженства общаго, о, гнусная вина!

Къ чему, Россія, ты теперь приведена
Волненіемъ страстей твоихъ князей строптивыхъ!
Твоя зависитъ часть отъ взоровъ женъ кичливыхъ.
Страна героевъ, днесь игралище любви,
Върнъйшихъ чадъ твоихъ ты плаваешь въ крови:
Но меньше ль и тогда ты будешь униженна,
Какъ злоба братьевъ сихъ пребудетъ прекращенна?

ВАДИМЪ.

Иль новая грозитъ отечеству напасть?

СВАДЕЛЬ.

Та жъ самая любви толь пагубная страсть Несчастій нашихъ видь лишь только премѣняетъ; Раздоры потуша, намъ низость представляетъ И въ ново бѣдствіе влечетъ сію страну. Ты знаешь греческу плѣненную княжну, Сію унылую, прекрасну Клеомену? Она содѣлала толь чудную премѣну: И слабый Ярополкъ, Гречанкой ослѣпленъ, Рогнѣду позабывъ, даетъ себя ей въ плѣнъ. Ты зришь теперь, Вадимъ, что миръ сей устрояетъ. Любовь одна князей душею управляетъ, И льстивою маня Россіи тишиной. Готовитъ свой ударъ надъ Кіевской страной, А я хочу ихъ влечь, прервавъ гражданъ напасти,

Ко славѣ отъ стыда, ко должности отъ страсти; И слабость истребя изъ княжескихъ сердецъ, Ихъ славою хочу быть общихъ благъ творецъ.

ВАДИМЪ.

Но страсти ихъ, когда гражданъ умолкнутъ стоны, Блаженству общему быть могутъ ли препоны? Рогнъдъ ль Ярополкъ, Гречанкъ ли супругъ, Не все ли то равно, коль обществу онъ другъ, Коль прекратитель онъ намъ пагубнаго рока?

СВАДЕЛЬ.

Кто страстенъ, слабъ; кто слабъ, тотъ близокъ отъ порока.

Когда бы княжескій съ Гречанкою союзъ Касался только лишь однъхъ любовныхъ узъ; Когда бы страсть его во сердцѣ затворенна, Къ позору не была престола устремленна, И еслибъ онъ, любя, Россіи не вредилъ, Пускай Гречанку бы на тронъ къ себъ взводилъ. Но прежнія лютъй вкушая онъ отраву, И для утъхъ своихъ забывъ и долгъ, и славу, Отца великаго отмещетъ плодъ побъдъ И Грекамъ Херсонесъ обратно отдаетъ: За сердце плънницы, ея младенцу-брату Готовитъ тамъ престолъ Россіи во утрату. Онъ все любви своей на жертву принесетъ. На тронъ Россовъ Грекъ раба себъ найдетъ, На твердомъ тронъ семъ, герои гдъ владъли, Отколѣ молніи ужасныя летѣли, Объятый Ярополкъ цѣпями изъ цвѣтовъ, Задремлетъ и падетъ къ ногамъ своимъ враговъ.

ВАДИМЪ.

Предвижу бъдствіе и дни безчестьемъ полны.

СВАДЕЛЬ.

Довольно ли, Вадимъ, чтобы ревущи волны Со брега тщетно зря, въ уныніи стонать? Намъ должно дѣйствовать и согражданъ спасать, И, для отечества низвергшися въ пучину, Погибнуть, иль его предупредить кончину. Вельможей на чреду поставлены судьбой На вышней степени на то ли мы съ тобой, Чтобъ бреннымъ возносясь лишь правомъ славна рода, Во гордой праздности, какъ идолы народа, Пріемля расточенъ безплодно өиміамъ, Безъ чувствъ, гражданъ своихъ мы зрѣли бъ слезы, срамъ,

И блескомъ только титлъ души скрывая малость; Что жили мы, о томъ оставили бы жалость?... Народамъ и царямъ вельможи суть оплотъ. Коль въ буйности на тронъ волнуется народъ, Вельможей долгъ его остановлять стремленье; Но если царь, вкуся величества забвенье, Покорныхъ подданныхъ во снѣдь страстямъ поправъ, Изступитъ изъ границъ своихъ священныхъ правъ, Тогда вельможей долгъ привесть его въ предѣлы.

ВАДИМЪ.

Твоей претвердыя души совъты смълы Я внемля, слъдовать тебъ готовъ во всемъ; Но върныхъ средствъ не зрю въ намъреньи твоемъ.....

СВАДЕЛЬ.

Для добродътели на всъ бъды стремиться, Любить отечество и смерти не страшиться, Для счастья своего не льстить страстямъ князей — Вотъ были способы всегда души моей, Съ которыми хотя бъ вселенна, рушась, пала, Душа бы и тогда моя не трепетала!

ВАДИМЪ.

Я, удивляяся геройству такову, Превосходящему всеобщую молву, Коль нашихъ яростныхъ князей воображаю, Успъховъ никакихъ себъ не предвъщаю.

СВАДЕЛЬ.

Еще не весь для насъ исчезъ надежды свътъ. Любовь ихъ созвала, а слава сопряжетъ. Взлагая на гражданъ протяжкой власти бремя, Порочны; но они героевъ нашихъ племя. Свиръпства въ ихъ сердцахъ тирановъ нътъ прямыхъ; Лія кровь подданныхъ, о бъдствъ плачутъ ихъ. Къ отрадъ Россовъ средствъ я много обрътаю, И даже на любовь надежду возлагаю. Гречанки горестной необоримый хладъ, Ея презрѣніе на мѣсто всѣхъ отрадъ, Которыхъ Ярополкъ въ любви безплодной чаетъ, Мое намъренье успъхомъ увънчаетъ. Я знаю моего кипящій князя нравъ: Свою возлюбленну въ досадъ растерзавъ, Со ненавидимой Рогнъдой съединится. Симъ способомъ и самъ Владиміръ исцѣлится. Лишенъ надежды всей къ успъху въ страсти злой,

Исчезнетъ человъкъ, останется герой. Вадимъ! любовь всегда съ надеждой погасаетъ. Но се Владиміръ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ, самъ къ себъ.

Все мои вины въщаетъ.

Стыжусь воззрѣть на свѣтъ и сихъ стыжуся стѣнъ, Средь лавровъ отческихъ, гдѣ былъ я возращенъ, Гдѣ добродѣтели великой зрѣль примѣры; А я... о, рокъ! моимъ злодѣйствіямъ нѣтъ мѣры! О, бѣдоносна страсть! о, пагубна любовь! Вокругъ меня моихъ гражданъ дымится кровь! Остатки зданія разрушенна курятся! Опустошеніе и смерть повсюду зрятся! Безславны толь слѣды загладить чѣмъ могу? Ко брату миръ несу какъ лютому врагу!

Къ Сваделю.

Свадель! зри съ ужасомъ ты сына Святослава. Увидь чудовище, низринувше всѣ права! Нелицемѣрный другъ героя и отца, Какъ долженъ презирать ты росскихъ бѣдъ творца!

СВАДЕЛЬ.

Терзался, зря тебя порочна, развращенна, Могу ли не любить въ путь славы обращенна?

ВЛАДИМІРЪ.

Меня?... но какъ врага отечества жалѣть, Который самъ себя не долженъ бы терпѣть, Который громъ небесъ злодѣйствомъ привлекаетъ, Котораго сей громъ на то не истребляетъ, Что не достоинъ онъ быть Небомъ пораженъ, А только челюстью лишь ада поглощенъ?

СВАДЕЛЬ.

Съ собою принося отечеству отраду, Прерви противъ себя толь смертную досаду. Несчастьемъ приведенъ порочнымъ, лютымъ быть, И славу возлюбя, ты долженъ позабыть, Что совъсти твоей грызенія питаетъ. Ко славъ на пути тотъ медленъ, кто страдаетъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Намѣсто, чтобъ мои страданья укрощать, Ты горести мои старайся умножать. Къ усугубленію полезнаго мученья, Коль можешь, увеличь мнѣ совѣсти грызенья, Убійца яростный Рогнѣдина отца, Рушитель града ихъ и хищникъ ихъ вѣнца, Врагъ брату моему, Россіи возмутитель, И смертныхъ и боговъ кровавый оскорбитель, Вселенной ужасъ, страхъ и извергъ естества, Кому лишь фуріи едины божества... Когда бъ не совѣсти терпѣлъ я казни строги, Забылъ бы, можетъ быть, что мстители есть боги.

СВАДЕЛЬ.

И такъ, толь сильнаго раскаянія гласъ

Въщаетъ ясно мнъ, что огнь вражды угасъ, Которымъ пожиралъ Россію ты несчастну; Что жизнь минувшую и мрачну, и ужасну Кляня, покажешь всъмъ, что сынъ героя ты. Дерзай преобратить прошедшее въ мечты. Свиръпа, гнъвнаго, любовью униженна Забудь Владиміра въ пороки погружена И будь Владиміромъ грядущимъ славы въ путь. Къ отечеству твою наполнивъ жаромъ грудь, Искореня навъкъ вражду въ объятьяхъ брата, Яви, что всякая тебъ сносна утрата, Когда отечество возможешь ты спасти.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнъ должно ль жизнь ему на жертву принести?

СВАДЕЛЬ.

Велика ль жертва та, чтобъ только жизнь утратить? Обыкновенный духъ такой цѣною платитъ. Какой Россіянинъ, отечество любя, На пользу общества не принесетъ себя? Но одолѣть себя для счастія народа, Презрѣвъ отрады всѣ, прельщаетъ чѣмъ природа, Жить для отечества страдая и крушась....

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу!... трепещу!... какой ужасный гласъ!.. Рогнѣда!... Ярополкъ!... я самъ себя страшуся.... И такъ обманутъ я, надеждой тщетной льщуся?... О, Небо! ты, такимъ несчастьемъ мнѣ грозя, Злодѣйства упреди, меня въ сей часъ разя.

СВАДЕЛЬ.

Такъ, благо общества, великихъ душъ утѣха, Лишь страсти твоея зависитъ отъ успѣха? Коль гнѣва твоего отринется ударъ, Не твой ужъ будетъ то, любви то будетъ даръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я къ добродътели теку, въ ней славу вижу; Но безъ Рогнъды все опять возненавижу.

СВАДЕЛЬ.

Что сердце отвратилъ свое твой брать отъ ней, Ни малаго о томъ сомнѣнья не имѣй. Стенаньемъ гордости, свидѣтелемъ измѣны, Рогнѣда подтвердитъ сей истину премѣны.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ будешь ты моя!... Но, ахъ! въ драгихъ очахъ Лютъй чудовищей, носящихъ смерть и страхъ, Какою льститься я могу отъ ней любовью? Какъ, обагренному ея дражайшей кровью, Предстать мнъ ей, и чъмъ то сердце преклонить, Которое я такъ свиръпо могъ разить? Вотъ право: я ея породы истребитель! Вотъ титло: я всего отечества губитель! Влекомый фуріей, а не любви рукой, Любезной достигалъ кровавою ръкой.

СВАДЕЛЬ.

Хоть раны, данныя тобою, и глубоки — Но бѣдства прошлыя не столько намъ жестоки. Всю злобой упоя, презрѣнная любовь

На брата твоего ея волнуетъ кровь И лютость ей твою въ забвеніе приводитъ. Надежды нѣкій лучъ мой духъ тебѣ находитъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтобъ праведну ея мнѣ злобу истребить, Скажи, что̀ дѣлать мнѣ, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Героемъ быть.

И брату показавъ весь стыдъ его безъ лести, Подать ему самимъ собой примъры чести, Явить его глазамъ, что ты, забывъ вражды, Дабы загладить всв отечества бъды, Вознесши гордый духъ превыше мрачной страсти, Освободилъ себя ея позорной власти. Гнушайся явно тъмъ, что твой порочный братъ Во славѣ не ища равно, какъ ты, отрадъ, Любовью предъ тобой во узахъ Грековъ связанъ, Того не помнитъ, чъмъ отечеству обязанъ: Представь ему... Но мнѣ ль героя наставлять, Какъ долженъ онъ себя героемъ представлять. Могу ли такъ въщать, какъ действовать ты можешь? Когда отечества бъдамъ конецъ положишь, Когда изъ братнина исторгнешь сердца ты Россіи вредныя Гречанки красоты, Тогда со славою предстанеши Рогнъдъ: Она, узрѣвъ тебя въ преславной сей побѣдѣ, Всю ненависть къ тебъ въ почтенье превратитъ: Герой лишь будетъ зримъ, а врагъ ея забытъ. И гордый духъ ея, измъной оскорбленный, Жестоко желчію презрѣнья упоенный,

Измѣннику врага, конечно, предпочтетъ, Котораго любовь виной ея всѣхъ бѣдъ. Скорѣе мы враговъ удары забываемъ, Какъ оскорбленья тѣхъ, которыхъ обожаемъ. Се брать твой! Помни; чтобъ Рогнѣду заслужить, Героя долженъ ты теперь въ себѣ явить.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Мнѣ боги наконецъ щедроту изъявили: Россіи счастіе, мнѣ брата возвратили, Который на меня такъ люто воруженъ.... Но что́, забудемъ то, чѣмъ духъ нашъ униженъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Воззримъ на тѣ мѣста, гдѣ наша злоба дышетъ, Кровавой гдѣ рукой безчестіе намъ пишетъ, Гдѣ слышанъ стонъ гражданъ, и гдѣ, о, вѣчный стыдъ! Братъ брата своего, и сынъ отца разитъ. Пріемля отъ князей своихъ примѣры яры, Герои днесь стремятъ разбойничьи удары. То само воинство, съ которымъ Святославъ, Великій нашъ отецъ, ко славѣ путь начавъ, Толь часто потрясалъ престолъ коварныхъ Грековъ — Подъ властью нашею презрѣнье человѣковъ. Сражаяся съ собой за нашъ Россія стыдъ, Сама себя во грудь своимъ мечемъ разитъ. Давно вѣнцы на насъ; чтò жъ дѣлаемъ на тронѣ? Мы страстны, государь, а подданны во стонъ. Князья ли мы? и въ чемъ Владиміръ, Ярополкъ, Для блага подданныхъ, исполнили свой долгъ? Который гражданинъ, утъшенъ нашей властью, И скиптра нашего не чтя себъ напастью, Въ восторгъ радости вкушая сладость слезъ, Князей своихъ нарекъ щедротою небесъ? Ліются токи слезъ, но горесть проливаетъ; Подъ властью нашей все дрожитъ и унываетъ; Все гибнетъ пламенемъ и гибнетъ все мечемъ. Мы правимъ здъсь; а мы въ погибель все влечемъ. Отечества враги на троны вознесенны, Какъ терпятъ боги насъ, злодъйствомъ

раздраженны?...

Но слезы вижу я, мой братъ, въ очахъ твоихъ. Не тщися удержать стремленія ты ихъ. Не слабость то, когда отечество страдаетъ. Природы извергъ тотъ, кто жалости не знаетъ. Пускай въ свиръпости стыдится слезъ тиранъ: Не слезы днесь текутъ, но счастіе гражданъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ! если бъ чувствія толико благородны, Къ которымъ кажемся довольно оба сродны, Мой братъ, давно пріявъ, себя преодолѣлъ, Когда бъ, предвидя зло, онъ слезы лить умѣлъ: Онъ брата бъ не привелъ къ защитѣ устремиться, И храбрости своей противъ него стыдиться.

ВЛАДИМІРЪ.

Но толико ли cie уничижаетъ насъ, Чъмъ я виновенъ былъ, забывъ природы гласъ? Есть бъдства безъ меня Россіи къ униженью: Я слышалъ, общаго врага къ возстановленью, Плъненный плънницы заразами твоей, Во угожденіе ты слабости своей, Въ дарахъ горящія твоей любви безмъренъ, Побъды помрачить россійскія намъренъ?

ЯРОПОЛКЪ.

На пользахъ скипетра я вѣся власть мою, Съ престола никому отчета не даю. Симъ бракомъ утвердя владѣнье здѣсь безбѣдно, Въ томъ пользу я найду, что̀ кажется быть вредно.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ тщетно нашъ отецъ для Россовъ побѣждалъ? Чтобъ славны были мы, вотще того желалъ?

ярополкъ.

Онъ свой престолъ возмогъ побъдами прославить; Я миромъ возмогу ту честь себъ доставить. Но то, что мной еще доднесь не ръшено, Не будетъ, можетъ быть, и ввъкъ совершено.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ можетъ, государь, еще Рогнъда льститься?...

ЯРОПОЛКЪ.

За тѣмъ ли здѣсь мой братъ, чтобъ только извѣститься, Кѣмъ духъ пылаетъ мой? ты миръ ко мнѣ принесъ. Ко благу общества или твой жаръ исчезъ, Или къ избранью здѣсь любовницъ мы стремимся? Оставимъ слабости и оныхъ устыдимся.

Что въ томъ, Рогнѣдѣ ли, Гречанкѣ ль я супругъ, Когда отечество любя, тебѣ я другъ?

Къ Сваделю.

Поди, Свадель, и градъ наполнивъ торжествами, Народу возвъсти желанный миръ межъ нами.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА.

ЯРОПОЛКЪ.

Прихода твоего что мнъ считать виной? Или увидъться желала ты со мной?

КЛЕОМЕНА.

Я шла къ мъстамъ, гдъ братъ мой заключенъ, страдаетъ.

И тщетно отъ Небесъ спасенья ожидаетъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Спасти его одна возможетъ власть твоя.

КЛЕОМЕНА.

Лишенная всего, могу ль что сдълать я?

ЯРОПОЛКЪ.

Все можешь, все; и бывъ вселенной мнѣ милѣе, Оружья Грековъ всѣхъ едина ты сильнѣе. Польсти хоть взоромъ мнѣ твоихъ драгихъ очесъ — И брату въ тотъ же часъ подвластенъ Херсонесъ.

КЛЕОМЕНА.

Ты брату наградишь всю счастія премѣну; Но чѣмъ обрадуешь печальну Клеомену? Что́ въ томъ, что буду здѣсь на тронѣ обладать? Величье счастія не можетъ намъ подать. Могу ли позабыть, терзаясь повсечасно, Сколь было ваше намъ оружіе ужасно? Ты брату возвратишь державу и вѣнецъ; Но гдѣ любовникъ мой, скажи, и гдѣ отецъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Погибъ любовникъ твой и твой отецъ навѣки: Но я остановить хочу слезъ горькихъ рѣки, Исторгнуты изъ глазъ твоихъ отцемъ моимъ; Я все презрѣвъ, хочу супругомъ быть твоимъ. Иль славныхъ Россовъ князь не сто̀итъ мрачна Грека, Однимъ родствомъ царямъ извѣстна человѣка, Который въ счастіи изъ гроба мнѣ претитъ?

КЛЕОМЕНА.

Мой князь! сей Грекъ, кого твой духъ толь мало чтитъ. Герой, за общество пролившій токи крови, Какимъ ко мнѣ горѣлъ онъ пламенемъ любови, Ты видишь, о, мой князь! изъ токовъ слезъ моихъ. И, ахъ! ты слышишь то въ стенаньяхъ горькихъ сихъ, Чего былъ сей герой возлюбленный достоенъ. Мой жаръ къ нему его кончиною удвоенъ. Лишился жизни онъ, мой духъ навѣкъ плѣня; Всего лишился онъ, но только не меня. Онъ сердце горестно, всечасно населяетъ; Мое стенаніе его одушевляетъ. Одинъ мой только плачъ награда всѣхъ заслугъ,

Въ которыхъ похищенъ его геройскій духъ. Ввѣкъ будетъ въ мысляхъ жить сія душа геройска, Сей ужасъ вашего неодолима войска. Ты помнишь, онъ одинъ, какъ лютый твой отецъ Стремился съ моего отца сорвать вѣнецъ, Единый лишь Фаретъ противуополченный, Любовью самъ себя превыше вознесенный, Сражаясь, вашихъ всѣхъ мечемъ остановилъ. Я плѣнна бъ не была, когда бы живъ онъ былъ. Онъ въ брани палъ, и съ нимъ упали наши стѣны, И счастье пало все стенящей Клеомены. Героя мнѣ сего возможно ль позабыть? И, позабывъ его, твоей супругой быть?

ЯРОПОЛКЪ.

Я вижу, что тебя мнѣ должно ненавидѣть, Я вижу.... но страшись меня во гнѣвѣ видѣть, Жестокая! страшись въ отчаянье привесть: На жертву мщенію все, все могу принесть. Меня теперь и самъ Владиміръ укоряетъ, Что должность Ярополкъ въ твоихъ красахъ теряетъ, Что славу я отца, къ тебѣ горя, мрачу; Но я тебѣ за стыдъ мои вскорѣ отплачу. Преодолъвъ себя, чъмъ должно быть, явлюся, На гибель Грековъ я со братомъ примирюся. Я больше сдълаю: не могши быть любимъ, Растерзанъ, огорченъ презрѣніемъ твоимъ, Я гнѣву моему предѣловъ не увижу: Какъ смертно я люблю, я такъ возненавижу. Кровь брата твоего безъ жалости пролью И оправдаю тѣмъ я ненависть твою.

КЛЕОМЕНА.

И такъ умретъ мой брать несчастенъ и безсловенъ. Лишь только мукою сестры своей виновенъ! За что погибнетъ онъ? — что плачу я и рвусь; Но кто жъ виновенъ въ томъ, что смертно я крушусь? Гоненья твоего отца ты самъ свидътель; А братъ невинный мой какихъ вамъ бъдъ содътель?

ярополкъ.

Блаженство общества, достоинство вънца И слава нашего великаго отца, Мой долгъ и самъ мой братъ, и все мнъ возглашаетъ, Что пламень мой къ тебъ честь нашу разрушаетъ, Что лютой страстію, въ чемъ я отрадъ не зрю, Ко утвержденію лишь Грековъ я горю. Я очи отворилъ и все я вижу ясно: Коль братъ твой будетъ живъ, для Россовъ то опасно. Взмужавъ, потщится онъ престолъ свои возвратить И побъдителямъ обиды отомстить.

КЛЕОМЕНА.

Достойная вина сердцамъ геройскимъ страха! Боятся, чтобъ мой братъ, свой павшій тронъ изъ праха Воздвигнувъ, ополчась, обиды не отомстилъ; Но кто жъ въ героевъ сихъ опасность ту вселилъ? Кто въ нихъ внушилъ сей жарь свиръпъйшаго гнъва? Младенецъ заключенъ и плачущая дъва!

ЯРОПОЛКЪ.

Поди, поди обнять ты брата своего; Но помни то, чъмъ ты должна спасти его.

======

ДЪЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНЪДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Рогнѣды гордыя не познаю я болѣ: Ко трону званная еще не на престолѣ. Невѣрный Ярополкъ, презрѣвши свой обѣтъ, Тронъ, сердце отъ нея къ ногамъ иной несетъ; А духъ, Рогнѣдинъ духъ не прибѣгаетъ къ мести?

РОГНЪДА.

Кто гнусенъ предо мной, не сто́итъ гнѣва чести. Жду съ равнодушіемъ измѣны сей конца, Чтобъ низостей такихъ презрѣть навѣкъ творца.

ВАЛЬМИРА.

Славнъе упредить позоръ отриновенья. Оставя совъсти измъннику грызенья, Оставь навъкъ тебъ противную страну, Иную видишь гдъ себъ предпочтену.

РОГНЪДА.

Не явно Ярополкъ къ невърности стремится И кажется, что онъ злодъйствія стыдится. Стократно онъ равно, каковъ всегда бывалъ, Съ раскаяньемъ къ ногамъ Рогнъды упадалъ, И, мукой оправдавъ и стонами измъну, Мнъ клялся позабыть навъки Клеомену.

ВАЛЬМИРА.

Не все ль тебѣ, княжна, не все ли говоритъ, И самый сей возвратъ, что сердце не горитъ, Что презрѣнъ отъ иной, у ногъ твоихъ страдаетъ, Что онъ свой стыдъ твоимъ позоромъ награждаетъ, Что не любовь его, но гордость лишь вела, Что если бъ былъ любимъ, забыта бъ ты была. Ты плачешь?

РОГНЪДА.

Плачу: стыдъ влечетъ сіи потоки; Но будутъ слезы тѣ измѣннику жестоки, Которы не любовь, ни злобы ядъ ліетъ.

ВАЛЬМИРА.

Ахъ, если бъ Ярополкъ лишь гнѣва былъ предметъ, Когда бъ твой духъ отъ узъ возмогъ освободиться, Которы любить онъ, хотя ихъ и стыдится, — Невѣрна сердца ты презрѣвъ ничтожный даръ, Не медлила свершить съ грозою и ударъ; Иль благороднѣйшимъ вооружася мщеньемъ, Унизила бъ его сама твоимъ презрѣньемъ, И удалясь отсель....

РОГНЪДА.

А я хочу здѣсь быть.

Чтобъ радости его любви всякъ часъ мрачить. Не тщетныя меня надежды обольщенье Удерживаетъ здѣсь, — едино отомщенье. Какая радость зрѣть на пасмурныхъ очахъ Грызенья совѣсти, смятеніе и страхъ, Мѣшающи въ любовь его свои отравы!

Сей лютый князь унылъ среди своей державы, Всемъ властвуя въ своей пространной толь странѣ, Имѣя страшну казнь своихъ злодѣйствъ во мнѣ, Чтобъ ихъ свершить, того онъ будетъ ужасаться.

ВАЛЬМИРА.

Ты будешь между тъмъ надеждою ласкаться.

РОГНЪДА.

Могу ль иную я надежду днесь питать, Какъ только, чтобъ его присутствіемъ терзать? Върь, если бъ онъ, свою отвергнувъ Клеомену, Любовію хотълъ загладить всю измъну; Когда бъ, раскаянья пуская тяжкій стонъ, Онъ съ сердцемъ бы повергъ опять къ ногамъ мнъ тронъ, —

Ты зрѣла бъ отъ него съ гнушеньемъ отвращенну Меня, къ послѣднему изъ смертныхъ обращенну.

ВАЛЬМИРА.

Но сердце можетъ ли подвергнуться тому, Что гнъву гордости угодно твоему? Въ надеждъ зръть возвратъ, себя ты омрачаешь Надъ тою пропастью, въ котору упадаешь; И, льстясь его презръть покорнаго себъ, Не чувствуешь, какъ миль невърный сей тебъ, Не чувствуешь, что гнъвъ презренной страсти слъдство,

Утъха гордости, сугубитъ только бъдство.

РОГНЪДА.

Почто передо мной ту бездну открывать,

Которой я сама стараюсь не видать?
Почто, жестокая? Хвали мою побѣду
И мысли ты со мной безстрастну здѣсь Рогнѣду.
Являй всѣ гнусности злодѣя моего....
Въ какія бѣдствія я ввергалась для него!
Лишилась братьевъ я, родителя лишилась!
Когда бъ измѣнникомъ я симъ не обольстилась,
Цвѣло бъ отечество и царствовалъ отецъ;
Новградскій бы давно на мнѣ сіялъ вѣнецъ;
Могла бы я сама его страшить на тронѣ.
Презрѣла все, чтобъ здѣсь иную зрѣть въ коронѣ!
Презрѣла все, увы, несчастна! для кого?
Въ комъ вижу лютаго злодѣя моего!
Отъ прелестей любви, чѣмъ духъ мой утѣшался,
Ко трону званной мнѣ лишь только гробъ остался.

ВАЛЬМИРА.

Не гробъ тебѣ судьба готовитъ, — пышный тронъ; И князь, котораго тобой былъ презрѣнъ стонъ, Владиміръ въ сихъ стѣнахъ....

РОГНѢДА.

Сей, князь отверженъ мною,

Увидитъ гордую Рогнъду предъ собою, Невърнымъ презрънну, оставленну въ стыдъ, Надежды для себя не зрящую нигдъ! Сколь нашей бъдности несносенъ намъ свидътель, Который въ насъ къ себъ презрънья былъ содътель!

ВАЛЬМИРА.

Владиміръ можетъ ли Рогнѣдѣ досаждать? Содѣланно имъ зло стараясь награждать,

И душу давъ и скиптръ, ничъмъ не востревожитъ....

РОГНЪДА.

Щедрота вражеска несчастье наше множить. Онъ будеть видѣть то, что я, лишась всего, Ждать помощи должна лишь только отъ него — И се Рогнѣдино послѣдне униженье. Въ томъ помощь зрѣть, къ кому питала я презрѣнье! Услуги будутъ тѣ меня лишь тяготить; Его покорства стыдъ всечасно мой твердить. Я стану зрѣть, терпя мученіе презлое, Въ семь лютомъ счастіи несчастіе прямое. Услуги отъ враговъ горчаѣ всѣхъ обидъ. Ужасенъ для меня Владиміровъ и видъ.

ВАЛЬМИРА.

Стараяся сіи воображать мечтанья. Ты тщишься умножать твои бѣды, страданья. Почто того себѣ злодѣемъ представлять, Кто не былъ бы врагомъ, коль меньше бъ могъ страдать,

Суровость кто твою и гордость позабудетъ И будетъ рабъ тебъ, коль презрънъ онъ не будетъ?

РОГНѢДА.

Ты о Владимірѣ мнѣ только говоришь; По Ярополка ты безчестнымъ такъ ли чтишь, Что онъ, когда его тѣмъ слава увядаетъ, Что онъ невинную Рогнѣду покидаетъ, Безъ угрызенія въ преступокъ погруженъ, Какъ сущій былъ злодѣй въ порокѣ утвержденъ? Рогнѣда и одна, вѣрь мнѣ, его тревожитъ; А ежели свою мнѣ помощь пріумножитъ Отечество его, которо онъ срамитъ, И слава скипетра, которую онъ тмитъ, Сколь сильно бъ духъ его любовь ни ослѣпляла, Измѣнникъ сей герой, Рогнѣда имъ пылала: Самъ брать ему напоминаетъ долгъ; Владиміръ любитъ честь, возлюбитъ Ярополкъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Игралище моей немилосердной части, Тобой размученный, творецъ твоей напасти, Княжна, къ твоимъ ногамъ дерзаетъ упадать. Не мысли, чтобъ себя я льстился оправдать. Иной, загладить тъмъ свою вину желая, Сказалъ бы, твой отказъ презорный вспоминая, Что въ пламени любви къ Рогнъдъ онъ кипя, Ее не стоилъ бы, презрѣніе стерпя. И что тебя лишась, вселенну ненавидя, Стремился, ничего въ отчаяньи не видя: Но тщетно все, когда стонаетъ грудь твоя. Страдаешь ты, и смерть вкусить достоинъ я. Вотъ грудь растерзанна раскаяньемъ, любовью И обагренная тебъ дражайшей кровью, Вотъ грудь врага — отмщай за братій, за отца, За гибель твоего народа и вънца. Вина моихъ злодъйствъ, скончай мою казнь люту, Въ которой мучуся я каждую минуту;

Всякъ часъ вкушаю смерть, разгнѣвавши тебя! Утѣшь несчастнаго, порочна истребя.... Но очи полныя слезами отвращаешь? Иль, зря раскаянье, ты жалость ощущаешь?

РОГНЪДА.

Я бѣдства всѣ мои въ сей часъ хочу забыть, И, зря Владиміра, могу спокойна быть, То вѣдая, что онъ свои преступки видя, Вошелъ въ себя; и всѣ злодѣйства ненавидя, Для блага общества стремяся къ симъ стѣнамъ, Желанну тишину принесъ съ собою намъ: Что въ мысляхъ лишь одно отечество имѣя, Стыдяся въ братѣ зрѣть преступника, злодѣя, Который предаетъ россійскихъ плодъ побѣдъ, Ко должности его и славѣ онъ зоветъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Что я ни говорилъ, на все то не взирая, Колеблется мой братъ; и, славу презирая, Любовью новою жестоко возмущенъ, Быть кажется совсъмъ отъ долга отвращенъ.

РОГНЪДА.

Невърный!... сколько то̀ Россіянамъ постыдно! Такъ къ славъ рвенія нимало въ немъ не видно?

ВЛАДИМІРЪ.

Не видно. Въ пламенной онъ страсти слѣпъ, Не видитъ прелестей, къ которымъ сталь свирѣпъ.

РОГНѢДА.

Хоть любитъ онъ меня, хотя онъ ненавидитъ, Нътъ нужды больше въ томъ; и онъ сіе увидитъ, Что я безъ горести его презръть могу. Рогнъда я была, Рогнъду собрегу.

ВЛАДИМІРЪ.

Начни жъ презрѣньемъ симъ скорѣй мое блаженство. Увидишь скоро ты той страсти совершенство, Въ которой духъ къ тебѣ Владиміра горитъ.

РОГНЪДА.

Иль униженія сего твой духъ не зритъ, Въ которое себя навѣки ты ввергаешь, Что брата обратить ко славѣ средствъ не знаешь. Владиміръ, скажутъ всѣ, не могъ имѣти силъ....

ВЛАДИМІРЪ.

А нужды нътъ тебъ, чтобъ онъ тебя любилъ? Признайся, что его не можешь ненавидъть.

РОГНЪДА.

Но въ чемъ же страсть мою Владиміръ можетъ видѣть? Измѣнника презрѣть сама мнѣ честь велитъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но то ль, что честь твоя, и сердце говоритъ?

РОГНѢДА.

Я знаю, слабый духъ того не понимаетъ, Какъ сердце съ честію Рогнѣда соглашаетъ. Я знаю, что иной отверженъ, посрамленъ Обидой прежнею никакъ не оскорбленъ, И возвратясь, еще на новыя дерзаетъ И слабости свои въ сердца другихъ влагаетъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я знаю, на меня стремится сей глаголъ... Достоинъ я такихъ, достоинъ лютыхъ золъ! Я знаю, должно бъ мнъ тебя забыть, жестока! И отвратясь моихъ пороковъ отъ истока, И безъ твоей красы счастливымъ быть умъть: Но какъ ни долженъ бы мой духъ того хотъть, Съ какою силою себя ни устремляю, Изъ сердца рвя тебя, я сердце вырываю. Смертельно пораженъ, виновенъ ли я въ томъ, Что и безсмертныхъ мнъ тогда не слышенъ громъ, Какъ, отчужденъ, тебя съ тобою тратя душу, Я въ страшныхъ мукахъ всѣ къ тебѣ преграды рушу? Я виненъ ли, что рокъ, немилосердый рокъ Въ предълахь мнъ своихъ толико быль жестокъ, Что счастье все мое онъ въ той одной включаетъ, Которая меня презрѣньемъ отягчаетъ.

РОГНЪДА.

Не проникающій премѣны чувствъ моихъ, Неправеденъ теперь въ укорахъ ты своихъ. Какъ ни былъ ты въ своемъ отчаяньи мнѣ злостенъ; Но ты не столько мнѣ, какъ Ярополкъ несносенъ. Не знаешь ты, что я тебя предпочитаю И что любить тебя желала бъ...

ВЛАДИМІРЪ.

Понимаю.

Стремишься ты теперь, съ твоей борясь судьбой, Ко мнѣ желаніемъ, а къ брату всей душой. Противъ невѣрнаго ты нынѣ раздраженна; Но можетъ ли моя тѣмъ участь быть блаженна? Ахъ! чтя любовь твою превыше я всего, Колико бы желалъ я гнѣва твоего, Который болѣе твою горячность кажетъ, Который лишь грозитъ, но вѣчно не накажетъ, Который...

РОГНѢДА.

Не желай на мѣстѣ брата быть: Смертельно бы тебя стремилась не любить.

ВЛАДИМІРЪ.

Тъмъ больше бы свою любовь ты утвердила; И сердца твоего обремененна сила, Стараяся тебя отъ ига свобождать, Принуждена всегда подъ иго упадать. Противъ невърнаго хотя ты гнъвъ сугубишь, Стремяся не любить, сильнъе только любишь, Безъ пользы стоны, скорбь скрываетъ гордый видъ; Чъмъ болъ гасишь огнь, тъмъ болъ кровь кипитъ.

РОГНЪДА.

Иль стонами любовь являютъ непреложно? Или во гнѣвѣ намъ стонати не возможно? Не ясно ли тебѣ вѣщала рѣчь моя, Что братъ твой гнусенъ мнѣ, что ненавижу я?

ВЛАДИМІРЪ.

Единый ли языкъ любовна страсть имъетъ?

Не все ль являетъ огнь, коль духъ во страсти тлѣетъ? Коль сердце пламенемъ объятое горитъ, Не всѣмъ ли страсть тогда изъ сердца говорить? Поступки, видъ лица и тайно воздыханье, Унылы взоры, все, и самое молчанье Сокрытыхъ въ сердцѣ искръ есть самый ясный видъ. Яснѣе словъ самихъ тѣмь пламень нашъ открытъ.

РОГНѢДА.

Ты видишь то во мнѣ, что видѣть вображаешь; Къ безславью своему Рогнѣду унижаешь, И, мало чтя меня, себя ты мало чтишь. Ты мысли, государь, тогда переменишь, Коль таинство тебѣ души моей открою: Что я, измѣною лишенная покою, Прибытья твоего въ сіи мѣста ждала И мыслью иногда тебя сюда звала.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда то такъ, что ты, зря гнусную измѣну, Познала моея безсмертной страсти цѣну, — Оставь ты стыдъ свой здѣсь, ступай отсель со мной, Гдѣ тронъ тебѣ готовъ....

РОГНѢДА.

Смущаяся мечтой,

Теряешь въ слабости тебъ дражайше время. Пріявъ на рамена отечества все бремя, Россіи пользу ты старайся соблюсти И брата къ должности и славъ привести. Истребуй отъ него ръшительна отвъта, Потомъ приди спросить Рогнъдина совъта...

Живъе опиши безчестіе его...
Почто не возмогу, изъ сердца твоего
Всю слабость истребя, тебъ тотъ жаръ доставить,
Которымъ бы навъкъ ты могъ себя прославить;
Который бы въ тебъ героя показалъ,
Который бы того все сердце растерзалъ,
Превыше Россовъ всъхъ кто Грековъ почитаетъ?...
О, стыдъ! россійскій князь къ Гречанкъ въ страсти
таетъ,

Побѣды отчески кидаетъ за ничто: А брата, сносно ли! не возмущаетъ то. Ступай, героя сынъ, и ополчаясь смѣло, Съ раченьемъ продолжай начатое ты дѣло. Проси его, моли для имени боговъ; Грози ему... Когда жъ уже не станетъ словъ, Коль честь и все забывъ, и страсти лишь покоренъ. Во ослѣпленіи пребудетъ онъ упоренъ; Когда намъ помощи ничто не принесетъ: Тогда я, можетъ быть... но Ярополкъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Отвергнувъ я предъ симъ мнѣ твой совѣтъ полезный, Прогнѣвалъ, можетъ быть, тебя, мой братъ любезный! Оставь сіе, оставь смятенью моему, Что брату быть не могъ покоренъ своему; Что былъ я властвовать безсиленъ надъ собою; Но днесь достойно я отвѣтствую герою.

Тебѣ я долженъ всѣмъ: ты честь мнѣ возвратилъ. О всемъ размыслилъ я, что́ страстію губилъ. Увидь во мнѣ теперь желанну перемѣну: Преодолѣвъ себя, оставлю Клеомену. А чтобъ яснѣй явить, какъ общество люблю, Опаснаго ея я брата истреблю. Поди, оставь меня, и будь теперь спокоенъ. Благодари боговъ, твой братъ тебя достоинъ. Увидишь ты, какъ я безчестія брегусь; Съ Рогнѣдой предъ тобой навѣки сопрягусь.

ВЛАДИМІРЪ, *отходя, самъ къ себъ*. Злодъй!

ЯРОПОЛКЪ, къ Рогнъдъ.

Но предъ тобой могу ли оправдаться? Достойнымъ быть тебя я чѣмъ могу ласкаться? Я извиненія ни въ чемъ себѣ не зрю.

РОГНЪДА.

Зри въ самой той любви, въ которой я горю, Въ безсмертномъ пламени, что презрилъ ты жестокій! Въ слезахъ, которыхъ днесь ліются сладки токи.

ярополкъ.

Избавь меня, избавь отъ зрълища сего; Мученья множишь тъмъ ты сердца моего, Сугубишь ты мое ужасное нестройство. Оставь растерзанна, мнъ нужно днесь спокойство.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Еще ли скажешь ты, что мной вдадѣетъ страсть? Еще ль не отдаю надъ сердцемъ чести власть?

СВАДЕЛЬ.

Мужайся, государь, избравъ пути толь строги. Владъющимъ собой подобны только боги. Увиди съ высоты ты твердости твоей, Сколь гнусенъ прежній мракъ предъ блескомъ тѣхъ лучей,

Которыми себя ты нынъ озаряешь; Ты симъ однимъ уже съ отцемъ себя равняешь.

ярополкъ.

Чего лишался я, Гречанкою горя! Я все, что есть, терялъ, на свътъ все презря; А низость, въчный стыдъ тому едины слъдства. Какія за собой любовь влечетъ намъ бъдства! Тронъ, славу, пользу все, взоръ лестный помрачалъ. Я счастье въ немъ одномъ и жизнь мою встръчалъ. Но то все минуло; ты будешь мнъ свидътель. Открывшимъ очи какъ прелестна добродътель!

СВАДЕЛЬ.

Чтобы героемъ быть, одной предайся ей.

ЯРОПОЛКЪ.

Какую горесть я вкушалъ въ любви моей!

Жестокая! за всѣ сердечны восхищенья Давала желчь вкушать мнѣ злѣйшаго мученья! Какіе проводилъ мучительны часы! Но то все кончилось.... Надѣясь на красы, Иль думаетъ она, что ввѣкъ любить я стану, Что счастьемъ чту питать погибельную рану? Обманывается, увидитъ то она.

СВАДЕЛЬ.

Съ какою красотой Рогнѣда рождена!

ЯРОПОЛКЪ.

Когда бъ я упоенъ былъ прежнею отравой И не стремился бы, гася любовь, за славой, Сказалъ бы, что всея вселенной красоты Предъ Клеоменою пустыя лишь мечты; Что въ сердце радости лія неизреченны, Безъ ней всѣ кажутся мѣста опустошенны; Что горесть самая отъ лютости ея Отрады всякія пріятнѣй для меня.... Но все прошло. Себя къ Рогнѣдѣ обращаю: Величіе ея души я почитаю.

СВАДЕЛЬ.

Ты долженъ то, и долгъ и слава то велитъ. Съ Рогнъдой бракъ тебя отъ Грековъ удалитъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Въ нечаянной такой и лютой перемѣнѣ Какія горести открою Клеоменѣ!

СВАДЕЛЬ.

Несчастна ль, счастлива ль, забудь навѣкъ ее: Привыкни находить въ томъ счастіе твое, Рогнѣду чтобъ любить, ей нравиться единой.

ЯРОПОЛКЪ.

Оставленна отъ всѣхъ, гонимая судьбиной, Стеняща плѣнница, забвенная и мной, Лишась отца, съ своей раставшися страной, Теряетъ и меня. Зри часть ея презлостну... Но должно бъ умѣрять ей гордость толь несносну, Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Престань о томъ и думать и вѣщать, Удобно что твое спокойствіе смущать.

ярополкъ.

Ты мыслишь, я крушусь? Безстрастенъ и спокоенъ, Пребудетъ Ярополкъ навѣкъ себя достоенъ. А чтобъ ты зрѣлъ, какъ я за гордость ей плачу, Я Клеоменѣ днесь съ тобой предстать хочу. Пускай жестокая, терзаяся, застонетъ; Ни плачь ея, ничто меня уже не тронетъ. Что властвую собой, хочу я доказать. Пойдемъ.

СВАДЕЛЬ.

Ступай себя предъ нею ты терзать, И, павъ къ ногамъ ея, въ ней гордость умножая, Презрѣнье навлекать, свирѣпу обожая; Предать отечество, россійскихъ плодъ побѣдъ,

И ввергнуться навѣкъ въ пучину страшныхъ бѣдъ. Я мыслилъ зрѣть тебя ужъ близко храма славы; Но ты еще далекъ, наполненъ той отравы...

ЯРОПОЛКЪ.

Остатокъ извини ты слабости моей: Хотя подъ бременемъ колеблюся душей, Но не страшись того. Твой слухъ теперь внимаетъ. Послѣдній стонъ любви, котора издыхаетъ. Совѣту твоему послѣдовать готовъ. Мнѣ должно ль бѣдствія Гречанку ввергнуть въ ровъ? Мнѣ должно ли возвесть къ себѣ на тронъ Рогнѣду?

СВАДЕЛЬ.

Поди ты къ ней теперь свершить твою побъду.

======

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ І.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВАДИМЪ.

Скрѣпясь, сноси ударъ ниспосланный судьбой.

ВЛАДИМІРЪ.

Чѣмъ, Небо! виненъ толь Владиміръ предъ тобой, Что ты себя его напастью утѣшаешь? Не ты ль меня, не ты ль къ злодѣйству обращаешь? Отдай Рогнѣду мнѣ, отдай, свирѣпый рокъ! Иль будешь виненъ ты, коль буду я жестокъ, Коль мною кровь врага и брата проліется!

ВАДИМЪ.

Коликой славою Владиміръ вознесется! Всъ скажутъ: онъ пришелъ прервать Россіи стонъ; Героемъ онъ пришелъ, а сталъ убійцей онъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Съ какой свиръпостью, не страстію сгарая, А только лишь меня терзати онъ алкая И утъшаяся погибелью моей, Къ Рогнъдъ обратясь, отвергъ меня отъ ней! Когда бы не было еще его здъсь брата, Презръніе любви ея была бы плата. Не можетъ и теперь злодъй ее любить; Но мучится, меня чтобъ только погубить.

Возлюбленну свою онъ хочетъ видѣть мертву, И ненависти онъ любовь приносить въ жертву. Не будешь ты, тиранъ, сей радости вкушать. Сей день назначенъ мнѣ злодѣйства окончать, Къ которымъ я на свѣтъ произведенъ судьбою!

ВАДИМЪ.

Забывъ, что онъ твой братъ, рви яростной рукою; Но радостей не жди, совмъстника поправъ; Хотя бъ любимъ ты былъ, нашелъ бы тму отравъ. Злодъйствомъ къ счастію достигнуть не возможно. Порочныхъ счастіе есть только счастье ложно.

ВЛАДИМІРЪ.

Раскаянья мой духъ не будетъ ощущать: Мнѣ должно умереть; но должно отомщать! Или для радостей я къ мести прибъгаю? Я смертью съ тъмъ себя навъки сопрягаю? Который позабывъ, что братомъ мнъ рожденъ, Одною злобою ко мнъ одушевленъ; Который, мнѣ пути къ Рогнѣдѣ заграждаетъ... Сей варваръ злость свою ко мнѣ въ нее вселяетъ. Я знаю, какъ мной днесь ругается она. Къ нему любовію, мнѣ гордостью полна, Летая въ радости, счастлива и спокойна И мыслить обо мнѣ не чтитъ меня достойна. Но вспомнить о себъ ее принужу я! Принужу... и рука отчаянна моя Пронзивши брату грудь и грудь мою несчастну, Заставитъ клясть ее любовь намъ толь ужасну, Заставитъ... и ее ко гробу привлечетъ. Тамъ купно и любви и злобы зря предметъ,

Тамъ въ смертной горести, размученна тоскою Надъ братомъ возрыдавъ, заплачетъ надо мною. Kъ $Ba\partial u My$.

Поди, и уготовь послѣдовавшихъ мнѣ Служити моему отмщенью въ сей странѣ. Вадимъ, увы! вся въ томъ отрада мнѣ осталась, Чтобъ часть моихъ враговъ съ моею соравнялась. Свадель приходитъ при послъднихъ двухъ стихахъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ.

СВАДЕЛЬ.

Но кто твои враги?

ВЛАДИМІРЪ. Рогнъда и твой князь.

СВАДЕЛЬ.

Скажи ты лучше то, скажи не устыдясь, Что добродътель, честь врагами почитаешь, — Вотъ миръ, который ты со братомъ утверждаешь. Объемля ты его, готовишь смерть ему; За то ль, что слъдуетъ онъ долгу своему? Се рока твоего ръшительны минуты Тирановъ злобнъйшихъ принять названья люты; Иль обожаемыхъ владыкъ въ пути вступить, Съ любовію во всъхъ сердцахъ безсмертно жить, Или изъ рода въ родъ со ужасомъ мечтаться.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу ль любовію вселенной утѣшаться, Когда лишаюся Рогнѣды я навѣкъ? Всѣ къ добродѣтели мнѣ рокъ пути пресѣкъ!

СВАДЕЛЬ.

Скажи, что днесь тебѣ къ ней путь онъ отверзаетъ. Для славы твоея твой рокъ тебя терзаетъ. И къ добродѣтели всѣ смертные текутъ, Коль счастія пути безтрудно къ ней влекутъ. Любить ее, то всѣхъ обыкновенно свойство; Но для нея страдать — вотъ истинно геройство.

ВЛАДИМІРЪ.

Страдати для нея? страдать и я бъ умѣлъ, Ее на вышнюю чреду бы я возвелъ, Для добродѣтели я жизни бъ могъ лишиться; Но, ахъ! мнѣ должно днесь съ Рогнѣдой разлучиться.

СВАДЕЛЬ.

Тъмъ больше для тебя....

ВЛАДИМІР.

Не внемлю ничего!

И благонравія жестокость твоего Отчаянной души не исцъляетъ рану. Отдай Рогнъду мнъ; или я кровь лить стану! Не ты ль, жестокій, самъ мнъ жалость днесь казалъ? Жалъй меня въ сей часъ.

СВАДЕЛЬ.

Жалѣнье ощущалъ

Я къ князю, совъсти растерзанну грызеньемъ, Который, собственнымъ размученъ преступленьемъ, Изъ пропасти злыхъ дѣлъ ко славѣ обращенъ И добродѣтели лучами освѣщенъ, То видѣлъ, кто онъ быль, и самъ себя страшился И изъ мучителя отцемъ гражданъ явился. Но гдѣ теперь сей князь? яви ты мнѣ его: Я сердца чувствія открою для него. Яви монарха мнѣ, героя, человѣка, Отраду Россіянъ и ужасъ хитра Грека.

ВЛАДИМІРЪ.

Вступающему въ гробъ все тщетно для меня. Отдай Рогнъду мнъ — Владиміръ буду я. Спаси меня, спаси отечество и брата.

СВАДЕЛЬ.

Но виненъ ли твой братъ? возлюбленной утрата И смерти злъйшія ужаснъе ему. Подобенъ горестью онъ брату своему. Скучаетъ жизнію, томится и страдаетъ; Но другъ его въ пути ко славъ утверждаетъ. Сей другъ обоихъ васъ къ мученію влечетъ, И виненъ въ томъ, что васъ навъкъ прославитъ свътъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда бъ я могъ познать творца моей напасти, Я сердце бъ растерзалъ сего врага на части.

СВАДЕЛЬ.

Терзай, коль смѣешь, князь! Вотъ сердце предъ тобой, Сраженно бѣдственной отечества судьбой, Въ путь славы и тебя влекущее, и брата. Рази, да будетъ смерть за то Сваделю плата, Что онъ Владиміра героемъ почиталъ. Рази.... за общество я смерть встрѣчать дерзалъ Съ родителемъ твоимъ на ратномъ полѣ брани: Но подвергаемы враговъ разящей длани, И смерть тогда сама щадила дни мои. Коль хочешь, обагри сѣдины ты сіи За славу Россіянъ остаткомъ литой крови, На жертву и меня повергни ты любови.

ВЛАДИМІРЪ.

Князей россійскихъ рабъ! какъ можешь ты дерзать По воли твоея сердца владыкъ терзать? И презирая насъ, ты какъ возмогъ забыться, Чтобъ съ дерзостью такой въ безчиніи открыться? Или забылъ, кто я? Владиміра губя, Надежду на кого взлагаешь?

СВАДЕЛЬ.

На себя.

Превыше бѣдствій всѣхъ, готовь оставить землю, Спокоенъ въ совѣсти, я страсти грозъ не внемлю. Не мысли, государь, ты страхъ въ меня вліять: Отъемля жизнь мою, не можешь честь отъять.

ВЛАДИМІРЪ.

Не льстися тъмъ, не льстись: упавъ на мъстъ казни, Властителей твоихъ отверженъ отъ пріязни, Что ты невиненъ былъ, кто будетъ знать о томъ? Когда во смертнаго боговъ ударитъ громъ, Громъ слыша, смертнаго вселенная забудетъ:

Хотя бъ невиненъ былъ, порочнымъ признанъ будетъ.

СВАДЕЛЬ.

А если и весь міръ, неправедно судя, Съ презрѣніемъ меня ко гробу проводя, Предразсужденія объятый темнотою. Одѣнетъ честь мою порока гнусной мглою, Довольно, ежели покорствуя судьбѣ, Что безпороченъ я, воспомню самъ себѣ; И славы звучныя почтеннѣе свидѣтель. У гроба предстоять мнѣ будетъ добродѣтель.

ВЛАДИМІРЪ.

Поди отъ глазъ моихъ; не сто̀ишь ты того, Злодѣй! чтобъ жертвою быть гнѣва моего. Живи! ты будешь жить, чтобъ совѣстью терзаться И добродѣтелью твоей всякъ часъ гнушаться: Ты будешь жить, чтобъ ставъ злодѣйствъ моихъ виной, Днесь брата моего сразить моей рукой.

СВАДЕЛЬ.

Доколь хоть слабый лучъ блистать очамъ симъ станетъ,

Дотолѣ честь твоя злодѣйствомъ не увянетъ. Дерзаетъ кто владыкъ отъ страсти отвращать, Тотъ, не щадя себя, дерзнетъ ихъ защищать.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, КЛЕОМЕНА.

КЛЕОМЕНА.

Къ твоей, мой князь, къ твоей щедротъ прибъгаю! Я брата твоего всю лютость ощущаю. За что онъ гонитъ насъ! Всего лишенна, я Послѣднія лишусь отрады моея. Готовитъ моему онъ смерть младенцу брату, Закрытой въ будущемъ его вины въ отплату. Убійства онъ тебя виновникомъ назвавъ, Въ злодъйствіи своемъ казаться хочетъ правъ. Готовъ тиранства мечъ законну власть стремящій: Князь! человъчества услыши гласъ стенящій; Гласъ добродътели невнятный лишь звърямъ; Героевъ красоту любезну Небесамъ, И всѣхъ несчастливыхъ то право нерушимо, Начертано въ сердцахъ, природою гласимо: Герой не есть герой, коль онъ не человъкъ. Тронися жалостью и облегчи мой въкъ. Ахъ! то ли долгъ владыкъ, чтобъ кровь несчастныхъ лити!

И трудно ль въ счастіи великодушнымъ быти?

ВЛАДИМІРЪ.

Чего желаешь ты?

КЛЕОМЕНА. Чтобъ только жилъ мои братъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Смотри, какихъ себя лишаешь ты отрадъ. Борясь сама съ твоей счастливою судьбою, Отмещешь ты вѣнецъ плѣненнаго тобою.

КЛЕОМЕНА.

Удобно ли вънцемъ несчастной льстить себя? Ахъ, нътъ, мой князь! я все, что было, погубя, Несчастье участью моею почитаю: Не тронъ себъ, не тронъ, — пустыню избираю. Отвергни бъдную въ отеческу страну. Я съ братомъ тамъ на рокъ излагая всю вину, Оплакивать свою несчастну долю буду, И помня то что я, что я была, забуду.

ВЛАДИМІРЪ.

Какія радости найдешь ты въ той странъ?

КЛЕОМЕНА.

Ахъ! мало ли утѣхъ осталось тамо мнѣ. Тамъ прахъ отца и прахъ любовника хранится: Мой тамо съ ними духъ стенаньемъ съединится. Гдѣ счастлива была, увижу тѣ мѣста, Въ которыхъ прежде мнѣ дражайшія уста Съ толикой вѣрностью клялись меня любити. Могу ли, государь, гдѣ счастливѣе быти? Съ Фаретомъ гдѣ была, чертоги тѣ найду, Гдѣ хаживала съ нимъ, по тѣмъ тропамъ пойду. Кропя слезами ихъ, я стану утѣшаться; Которымъ онъ дышалъ, тѣмъ воздухомъ питаться. Тамъ будетъ все о немъ тоскѣ моей твердить, Фарета тѣнь вездѣ я стану находить.

Увижу, гдт въ тотъ день... о, день! о, часъ жестокій! Какъ крови греческой лились ръками токи, Герой возлюбленный, готовяся на бой, Спасенье выводилъ отечества съ собой. То мъсто сердце мнъ укажетъ смертной скукой, Гдъ съ нимъ прощаяся, объята страшной мукой, Уже въ послъдній разъ навъкъ простилась съ нимъ. Предстанетъ мыслямъ то отчаяннымъ моимъ, Какъ я идущаго его на мъсто брани, Простерши съ высоты трепещущія длани, Шла духомъ въ слѣдъ ему, глазами проводя, Въ отчаяньи бъды предвъстье находя, Стенаньемъ, знаками обратно призывала И, ахъ! вторично съ нимъ проститься я желала; Узрю, гдѣ онъ, разя, враговъ остановилъ, И гдѣ сражался такъ, какъ онъ меня любилъ; Гдъ строгій рокъ его пресъкши дней теченье, Мой въкъ преобративъ въ плачъ въчный и мученье. Не могши наконецъ всъхъ горестей стерпъть, Лобзая гробъ его, могу я умереть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМІРЪ, РОГНѢДА, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, къ Владимиру. Се часъ насталъ, тобой толико ожидаемъ, Явить, какъ ревностно мы къ обществу пылаемъ. Гречанку гордую оставилъ я навѣкъ. Да радуется Россъ и да трепещетъ Грекъ.

Уже свѣтильники на алтаряхъ пылаютъ, Твои миръ со мной, мой бракъ съ Рогнѣдой возвѣщаютъ.

Лишь только въчнымъ съ ней союзомъ сопрягусь, Надменныхъ Грековъ сихъ я кровью обагрюсь, И брата истребя противной Клеомены, На Константиновы я устремлюся стъны: Владиміръ твердый самъ поборникъ будетъ мнъ; И лавры мы пожнемъ въ той самой сторонъ, Гдъ оныхъ съмена посъялъ нашъ родитель. Какъ я, подобно такъ ты страсти побъдитель. Забывъ прошедшее, со мною внидешь въ храмъ, Предъ самымъ алтаремъ гдъ бракъ....

ВЛАДИМІРЪ.

Я.... буду тамъ.

ярополкъ.

Но твой суровый видъ не дружбу предвъщаетъ; Иль огнь твоей вражды ко Грекамъ угасаетъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Ты въ храмъ меня зовешь, во храмъ буду я.

Указывая на Рогнтду.

Довольно ли сего для радостей ея?

Къ Рогнъдъ.

Но счастливой себя ты рано почитаешь. Напрасно въ радостяхъ ты мыслями летаешь: Къ веселью, кажется, готово все теперь, Согласны боги въ томъ; я живъ.... богамъ не върь!

РОГНЪДА.

Какое право ты имѣешь надо мною? Не ты ль мою лилъ кровь свирѣпою рукою? Не ты ли и отца и братьевъ растерзалъ? Не тѣмъ ли къ моему ты сердцу путь сыскалъ? Тиранъ! лишь только я тебя воображаю, Отъ страха трепещу, отъ горести стонаю.

ВЛАДИМІРЪ.

Все знаю то, чѣмъ я виновенъ предъ тобой; Но мнъ тебя любить предписано судьбой: Но мнъ страданія сносить нельзя ужъ болъ. Была ль ты отъ меня когда въ такой злой долѣ? Не льстись, свирѣпая, спастися отъ меня! Я живъ еще, я живъ, и я горю стеня. Страшись! еще твое блаженство не свершено И остріе еще мнъ въ сердце не вонзенно. Коль хочешь отъ моей избавиться любви, Ищи спасенія себъ въ моей крови, Блаженства твоего ищи въ моемъ ты гробъ. Вотъ тамъ конецъ любви и мукъ моихъ и злобѣ! Я живъ!... ничто съ тобой не разлучитъ меня — Ни брата кровь, ни громъ, ни ненависть твоя. Хотя бъ отъ рукъ твоихъ мнѣ рокъ судилъ умрети, Съ тобой спрягусь, чтобъ мигъ тебя моею зрѣти. Терзайте днесь меня и лейте кровь мою, — Или безъ жалости я вашу пролію. Тираны! смерть свою моею упредите И до злодъйствія меня не допустите. Самъ храмъ святой меня не можетъ удержать; Убійца былъ для ней, и буду святотать. Я тамо кровь лія отчаянной рукою,

Не видя и самихъ безсмертныхъ предъ собою, Разруша алтари, одну Рогнъду зря, Достигну до нее, перуновъ громъ презря!!

ЯРОПОЛКЪ.

На что перуновъ громъ? — моей руки довольно Остановить твое стремленье своевольно. Чего любовь сама содълать не могла, То́ дерзость днесь твоя во мнъ произвела: И если бъ я ее и смертно ненавидълъ, Сопрягшася меня ты съ нею бы увидълъ; Чтобы явить тебъ, сколь мало я страшусь, И чтобъ тебя терзать, всего, что̀ есть, лишусь.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтобъ грудь твою пронзить, вотъ вся моя отрада. Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

РОГНѢДА, ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, къ Рогнъдъ.

Межъ нами рушилась теперь ужъ вся преграда, Ужъ больше униженъ не будетъ Ярополкъ. И польза общества, и честь и самъ мой долгъ Свътильникъ воспаля неугасимый брака, Прогнали страстнаго остатокъ весь призрака, Чъмъ столько я себя на тронъ помрачалъ. Забудь все, чъмъ твою я душу огорчалъ; Во храмъ, на моемъ возвышенная тронъ, Во мнѣ измѣнника забудь въ моей коронѣ. Узри совмѣстницу поверженну къ ногамъ, Замѣшанну въ толпѣ, причисленну къ рабамъ, Забвенну, презрѣнну и жалости достойну. Ступай передъ боговъ, имѣя мысль спокойну, Увидишь тамъ меня достойнаго тебя.

РОГНЪДА.

Минувшаго и тѣнь изъ мыслей истребя И вѣря вшедшаго въ себя героя чести, Иду передъ боговъ, карателей злой лести.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты гордостью своей лишилася всего, Содѣлала врагомъ владыку твоего: Ты вмѣсто скипетра оковы принимаешь, И брата, и себя, и все пренебрегаешь, Чтобъ только радости свирѣпыя вкушать, Презлѣйшу ненависть ко мнѣ вовѣкъ питать. Желала ты меня злодѣемъ лютымъ видѣть; Утѣшься, стану я смертельно ненавидѣть: Тобою омерзенъ, мнѣ въ гнѣвѣ каждый Грекъ Теперь быть кажется гнуснѣйшій человѣкъ; Ихъ гибель съ твоего начну любезна брата...

КЛЕОМЕНА.

Рази; но помни, то послѣдня мнѣ утрата:

Рази, и дней моихъ ты узелъ разрѣши. Ужъ не останется для горестной души, Всего лишенной, чъмъ на свътъ веселиться; За братомъ и сестра во гробъ переселится... Но человъкъ ли ты, или лютъйшій звърь? Отверзи мнѣ безъ мукъ гробницы мрачну дверь: Иль столько можешь ты несчастну ненавидъть, Чтобъ, смерть дая вкусить, хотъть въ терзаньяхъ

видѣть;

Чтобы очамъ моимъ явить сей страшный видъ, Какъ варварска рука младенца поразитъ, Какъ братъ, невинный братъ влекомъ на мѣсто казни, Не зная ничего, безъ злобы, безъ боязни Объемля, станетъ тъхъ мучителей ласкать, Которы повлекутъ безгласнаго терзать? Скрой видъ сей отъ меня кончиною моею. Свирѣпою рукой сраженная твоею, Во гробъ счастлива, не буду зръть того, Какъ въ сердце мечъ вонзишь ты брата моего: А можетъ быть, сестры ты кровью утоленный И тѣнью жалостной моею умоленный, Несчастну вспомянувъ, которую любилъ, Которую терзавъ, свирѣпо умертвилъ, Чтобы пожертвовать мнъ пагубной любови, Во братъ сохранить моей остатокъ крови.

ЯРОПОЛКЪ.

Постой. Я чувствую, что я еще люблю; Но я въ послѣдній разъ мой громъ остановлю. Тебя, упорную, на тронъ ведущу року, Впослѣдни умолять унижуся жестоку. Впослѣдни... помни то! для имени боговъ!...

Уже и брачный храмъ и острый мечъ готовъ... Трепещешь... трепещи! я самъ себя страшуся! Когда теперь твоимъ упорствомъ огорчуся... Въ ужаснъйшемъ душа волненіи моя... Я брата поражу... умрешь... умру и я! Ръшись въ сей часъ... вотще потоки слезъ сугубишь.

КЛЕОМЕНА.

Коль тъмъ виновенъ братъ, что ты несчастну любишь, Которая любить не можетъ никого... Готова жертвой быть спасенія его. Влеки меня отсель на смертное закланье; И, презираючи страдающей стенанье, По брачномъ торжествъ вели готовить гробъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Довольно ли сего ко обличенью злобъ, Которыя ко мнъ, жестокая, питаешь? Но тщетно утомить мою любовь желаешь. Чѣмъ болѣ мучишь ты, тѣмь болѣ я люблю, И если я тебя, несклонную, гнъвлю, Коль сердце я твое свиръпствомъ раздираю, Оставь отчаянью; ты видишь, умираю! Во ослѣпленіи противъ меня твоемъ Ты хочешь умереть предъ самымъ алтаремъ, Велишь готовить гробъ: я тронъ уготовляю, Твою разрушенну страну возстановляю, На брата твоего излагаю я вънецъ. Я жизнь любить тебя принужу наконецъ. Въ коронѣ находить нетрудно намъ отрады. Иль мнѣ за жаръ и той не хочешь дать награды, Чтобъ жить, чтобъ обладать и Кіевомъ и мной?

Клянуся Небомъ я, клянусь тобой самой, Клянусь безсмертною къ тебѣ моею страстью, И каплю слезъ твоихъ считать моей напастью, Твои желанія всегда предупреждать И жизнь въ твоихъ очахъ дражайшихъ обрѣтать; Коль должно, жертвовать тебѣ моею кровью! Готовься въ храмъ, моей увѣрена любовью: Что̀ князь твой обѣщалъ, исполнитъ все супругъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ, по некоторомъ молчаніи. Безмолвенъ ты, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Ты паки Грекамъ другъ.

ярополкъ.

Я послушаніемъ раба усердье мѣрю Не умствованьемъ.

СВАДЕЛЬ.

Нътъ; еще сему не върю.

Не вѣрю, государь, хотя ты самъ сказалъ, Чтобы вознесшійся твой духъ опять низпалъ.

ЯРОПОЛКЪ, съ гнъвомъ.

Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Пусть гнусный льстецъ, безславье князя множа, Предатель общества робъеть злой вельможа, Коль очи гнѣвныя властитель обратитъ; Меня лишь честь твоя и польза Россовъ льститъ. За нихъ я, государь, твои объемлю ноги, За нихъ всѣ казни мнѣ твои не будутъ строги. Вотъ грудь моя — рази! я жити не хощу, Коль жертвой сей гражданъ напасти прекращу; И жити не могу, коль князь мой устремится На гибель общества и онымъ посрамится. Рази!... на что мнѣ жить? на то ль, чтобъ зрѣть тебя На тронъ отческомъ унизивша себя Изъ обладателя рабомъ любви и Грека? Отъемли, государь, остатокъ слабый въка Того, героямъ кто служити пріобыкъ; Иль жизнь во мнъ оставь, ты ставши самъ великъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Сокройся отъ меня, мнѣ горестей содѣтель! Въ пустыняхъ исполняй ты вредну добродѣтель; Въ изгнаньи ею ты по волѣ веселись, Ступай, и въ сей же часъ изъ града удались.

Уходитъ.

СВАДЕЛЬ.

Коль князи истину отъ троновъ удаляютъ, — Невинны только тѣ, кого они караютъ.

======

ДЪЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Мнѣ удивительно терпѣніе сіе: Когда свершается безчестіе твое, Когда на пышный тронъ, тебѣ опредѣленный, Измѣнникъ, красотой иныя ослѣпленный, Возводитъ странницу, ругался тобой: Ты, не тревожася ужаснѣйшей судьбой, Въ молчаньи, кажется, спокойна пребываешь; Но симъ молчаніемъ меня ты ужасаешь. Громъ страшный слѣдуетъ нерѣдко тишинѣ.

РОГНЪДА.

Поди и призови Владиміра ко мнъ.

ВАЛЬМИРА.

Конечно, премѣнить его желаешь долю, И счастіемъ...

РОГНЪДА.

Скоръй мою исполни волю: Скажи Владиміру, чтобъ онъ пришелъ въ сей часъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОГНѢДА, одна.

Въ глазахъ свътъ меркнетъ, гнъвъ перерываетъ гласъ! Восторги ревности! отчаянье смертельно! Подобное любви отмщенье безпредъльно! Вамъ, боги вы мои! вамъ нынъ предаюсь! Любовницей была и Фуріей являюсь!... А ты, о, вредна страсть! готовяща намъ гробы, Преобрати свои огнь во мрачный пламень злобы. Любовь, котору я толь сладостною чла! Вотъ радости въ тебъ какія я нашла! Я зрю невольницу, тобой превознесенну, Себя отверженну, навъки посрамленну. Она пріемлетъ скиптръ, а я пріемлю стыдъ: Но смерть загладить все, и въ гробъ насъ сравнитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНѢДА, ВЛАДИМІРЪ, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Не тщетно ль счастіємъ Вальмира мнѣ ласкала? Могу ль повѣрить я? ты зрѣть меня желала? Или не такъ тебѣ несносенъ я кажусь?

РОГНЪДА.

Что любишь ты меня, не тщетно ли я льщусь?

ВЛАДИМІРЪ.

Люблю ли я тебя! еще ль сего не знаешь?

Еще ли страсти ты моей не примъчаешь Въ отчаяньи моемъ, въ очахъ смятенныхъ сихъ, Въ моихъ восторгахъ всъхъ, въ несчастіяхъ твоихъ, Въ свиръпости, мою затмившей добродътель, Во злодъяніяхъ, которыхъ я содътель, Въ стенаньяхъ горестныхъ отечества всего, И, ахъ! родителя въ паденьи твоего, — Во всемъ, что въ ужасъ днесь Владиміра приводитъ? О, рокъ! въ несчастьяхъ лишь твоихъ мой духъ находитъ,

Чъмъ страсть тебъ мою зловредну доказать.

РОГНЪДА.

Чъмъ виненъ предо мной, все можешь оправдать, И можешь быть ты мнъ всего милъй на свътъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу! кто? я? открой въ дражайшемъ мнѣ отвѣтѣ, Скажи, что̀ дѣлать мнѣ? должно ль умереть? — Готовъ лить кровь мою, всѣ бѣдства претерпѣть.

РОГНѢДА.

Но если предъ тобой Ронѣда изъяснится, Жаръ скоро, можетъ быть, во хладъ преобратится.

ВЛАДИМІРЪ.

Сомнѣніемъ такимъ мое ты сердце рвешь; Въ часъ радости моей во грудь мнѣ ядъ ліешь. Что жертва я любви, тебѣ ли сомнѣваться? Чѣмъ клясться мнѣ, что я готовъ во все вдаваться? Какихъ боговъ мнѣ знать? Клянусь твоей красой.... Ты вѣришь ли теперь? откройся предо мной

Коль должно не щадить тебѣ на жертву крови, Я смертью клятву дамъ тебѣ въ моей любови; Скажи лишь только мнѣ, что́ должно совершить? Чѣмъ быть могу я милъ?

РОГНЪДА.

Въ грудь брата мечъ вонзить, Измѣну наказать, мой стыдъ омыти кровью, Злодѣйства тѣмъ твои загладить предъ любовью.... Но ты оцѣпенѣлъ; куда твой дѣлся жаръ?

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ брата кровь пролить? мнѣ?

РОГНЪДА.

Кто жъ свершитъ ударь? не буду я твоею.

Коль будетъ жить твой братъ, не буду я твоею. Нътъ способовъ иныхъ владъть моей душею. Стенаньемъ варвара прерви Рогнъдинъ стонъ! Содълавъ столько ты любви твоей препонъ, Толико оскорбивъ несчастную Рогнъду, Ты видишь надо мной нетрудную побъду; Любить себя велю, повелъвая мстить: Ты можешь то; а! ты не хочешь поразить.

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себѣ, къ чему меня приводишь; И къ счастью моему какой ты путь находишь! Велишь злодѣйствіемъ тебя достойнымъ быть! Братоубійца ты возможешь ли любить?

РОГНѢДА.

Нътъ нужды: мщеніе въ обидъ я имъя, Зря кровь, могу любить гнуснъйшаго злодъя.... Трепещешь!... не страшись.... нельзя порочнымъ быть; Всему отечеству тъмъ можешь услужить, И не злодъй, герой уже Владиміръ будетъ, Для блага общества коль братство онъ забудетъ. Сразить его тебъ колико есть причинъ! Отца великаго достойный ли ты сынъ? Герой ли ты? Внимай отечества стенанье. Ты любишь ли меня? услышь мое страданье. Зри слезы ярости, которы стыдъ ліетъ, Которы кровь врага въ минуту пресъчетъ. Сугубый тронъ тебя, Владиміръ, ожидаетъ, Рогнѣда предстоитъ и быть твоей ² желаетъ. Лишь только Ярополкъ вздохнетъ въ послѣдній разъ, Супругой назовешь меня ты въ тотъ же часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я знаю, Ярополкъ достоинъ лютой казни, Я знаю, все велитъ презрѣть родства пріязни; Но низкой хитростью велишь его сразить. Въ оливахъ мирныхъ мечъ возможно ли укрыть, Не облекаяся въ безчестье вѣроломства? Могу ли я не быть злодѣй въ очахъ потомства? Когда стремится братъ Россіянъ ко стыду, Себѣ къ безславію, отечества къ вреду, Пускай уже свое злодѣйствіе свершаетъ И наше мщеніе съ тобою оправдаетъ;

2

² Въ исходномъ изданіи здѣсь стоитъ прилагательное мѣстоимѣніе «твоимъ». – Примъчаніе издателя.

А мы, отшедъ отсель къ престолу моему, Къ защитъ общества, къ погибели ему, Отъ Волховскихъ бреговъ собравши сильны рати, Открытою войной пойдемъ врага попрати, И не измъною, побъдою сразимъ: Мы далъ молнію войны распространимъ; Отъ грома Росскаго тронъ Грековъ потрясется.

РОГНЪДА.

Однако онъ въ сей день съ Гречанкой сопряжется. Ты хочешь, чтобы я терпѣньемъ облеклась, Презрѣнна, со стыдомъ отселѣ отвлеклась, И, горестна, враговъ оставила бъ въ утѣхѣ; Чтобъ на сомнительномъ еще войны успѣхѣ Мой духъ отмщенія надежду возлагалъ; А я хочу, чтобъ днесь весь Кіевъ возрыдалъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себъ безчестье...

РОГНѢДА.

Малодушный!

Иль ярости одной, иль робости послушный! Ты не безчестія, страшишься смерти ты. Поди; стенанія твои — обманъ, мечты. Безъ жалости меня въ мученьи можешь видѣть. Ты любишь такъ меня, какъ должно ненавидѣть. Я средство подаю Рогнѣду заслужить, Я способы кажу меня достойнымъ быть; А то́ Владиміръ все презрѣвъ, уничтожаетъ И быть любезнымъ мнѣ безчестьемъ вображаетъ. Поди... достойный братъ злодѣя моего!

Покорствуй, будь рабомъ ты брата своего!
Онъ ту, кѣмъ ты горишь, смертельно раздираетъ,
Ставъ лютымъ Грекамъ другъ, онъ брата презираетъ,
Предъ нимъ въ его очахъ отечество срамитъ.
И слава, и любовь, и все тебя стремитъ,
А ты, передо мной вздыхая, только млѣешь:
Злодѣя наказатъ трепещешь и робѣешь;
Какой еще злодѣй! онъ мнѣ въ сей день постылъ,
А завтра, можетъ быть, опять мнѣ будетъ милъ.
Коль днесь не ускоришь явить его мнѣ мертва,
То завтра отъ тебя сія безплодна жертва.

ВЛАДИМІРЪ.

Коль такъ, мнѣ должно днесь пронзити грудь его... Онъ можетъ быть любимъ... довольно мнѣ сего.... Погибнуть долженъ сей отечества предатель: Я долженъ, долженъ быть его злодѣйствъ каратель И остріе вонзить во сердце... но за что? Чего алкаю я, онъ мнѣ даруетъ то. Въ сей самый часъ, какъ званъ тобой, къ тебѣ стремился,

Со мною Ярополкъ навѣки примирился. «Оставимъ», онъ сказалъ, «мы прежнихъ злобъ мечты; Люби меня: владѣй навѣкъ Рогнѣдой ты.»

РОГНЪДА.

Сей страшный Ярополкъ, тобой непобъжденный, Твоею робостью какъ нъкій богъ почтенный, Пускай возможетъ всъмъ царямъ законъ давать И ими, какъ тобой, равно повелъвать; Пускай весь міръ къ его ногамъ восхощетъ пасти, Но знай, Рогнъдинъ духъ его превыше власти...

О, тѣнь родителя! оставь мою вину, Которую, собой гнущаяся, кляну, Что я, смятенная, унизилась въ забвеньи Къ убійцѣ твоему простерть мои прошеньи: Оставь; какъ лютымъ я сего врага ни чла, Его еще въ сей часъ стократъ лютѣй нашла.

Къ Владиміру.

Благодарю тебъ: твоимъ отриновеньемъ, Ты разлучилъ меня съ моимъ уничиженьемъ Быть должною тебѣ, и злобу утвердилъ, Которой лютый рокъ едва не истребилъ. Не омрачаяся отмщенія въ надеждѣ, Ты больше гнусенъ мнѣ, какъ былъ ты гнусенъ прежде. Я къ брату твоему въ сей самый часъ иду, Грызенье совъсти ему съ собой веду. Коль нъки прелести во мнъ онъ прежде видълъ, Не мысли, чтобъ меня онъ такъ возненавидълъ, Чтобы не тронуться стенаніемъ моимъ, Чтобъ равенъ былъ тебъ безчувствіемъ своимъ: Я сердце оттворю, явлю, какъ я крушуся. А ежели уже всъхъ способовъ лишуся, Утраченную честь своей рукой найду, И въ сердце я его со остріемъ войду. Тамъ смертью помрачу тотъ зракъ побъдоносный, Совмъстницы моей сей образъ мнъ несносный, И въ тотъ же часъ сама я съ жизнью разлучусь; Не могши купно жить, съ нимъ въ гробъ сопрягусь. Вотъ то намъренье, которо предпріемлю! Какъ хочешь рвись, кляни и небо ты и землю, Но поздно будетъ все: пустымъ ты звукомъ словъ Не возвратишь меня.

Рогнъда хочетъ идти.

ВЛАДИМІРЪ.

Остановись... готовъ....

Постой, жестокая!... твою исполню волю: Кровь брата съединитъ мою съ твоею долю. Любовь не сопрягла, спрягаетъ злоба насъ. Върь: будешь ты моя, и будешь въ сей же часъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Къ чему въ отчаяньи толь лютомъ приступаешь? Въ какую ты себя опасность повергаешь? Не видишь...

РОГНЪДА.

Ничего; и видъть не хочу. Къ погибели моей я съ радостью лечу, Лишь только бъ отомстить.

ВАЛЬМИРА.

Но Ярополкъ вступаетъ.

РОГНЪДА.

Спѣши къ Владиміру, скажи, да не дерзаетъ Еще отмщенію служити моему: Когда разить, я то̀ сама скажу ему.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЯРОПОЛКЪ, РОГНѢДА.

ЯРОПОЛКЪ.

Быть можетъ, мой приходъ твои паче духъ тревожитъ И дерзостью моей мои преступки множитъ; По я винъ моей не тщась видъ правды дать, Что виненъ предъ тобой, пришелъ тебъ сказать. Иной, стараяся невиннымъ показаться, Подлъй бы только сталъ, дерзая притворяться; Иной бы могъ сказать, на мъстъ бывъ моемъ, Что, зря совмъстника во братъ онъ своемъ, Россію утомилъ враждой единокровныхъ: Завъсу въ томъ нашедъ для слабостей любовныхъ, Блаженствомъ общества закрывъ бы свой порокъ, Явилъ участникомъ въ своихъ преступкахъ рокъ. Но къ низкимъ Ярополкъ притворствамъ неспособенъ, И въ слабостяхъ моихъ я самъ себъ подобенъ; Таковъ въ невърности, каковъ я былъ любя. Сражался съ братомъ я, ты знаешь, за тебя; Но днесь тебя уже Владиміру вручаю. Спасеньемъ Россіянъ себя не извиняю. Неодолимою я страстію горю; И сердце и престолъ иной навѣкъ дарю: Не крой и ты себя, свою отверзи душу; И ежели я твой покой измѣной рушу, Когда еще того могу достоинъ быть, Чтобъ гнъвъ твой на себя хоть мало обратить, Не притворяяся сама передо мною, Обременяй меня моею ты виною. Не гнъва твоего, молчанія страшусь;

Я скромностью твоей лишь бол в сокрушусь.

РОГНѢДА.

Не удивляюся, что, сильный бывъ властитель, Возможешь слабый быть ты клятвъ своихъ

блюститель;

Что славы не храня и не смотря на честь, На мъсто мнъ любви казалъ едину лесть, Дщерь князя обманувъ, въ презрѣніи оставилъ, И сердце явно въ путь злодъйствія направилъ. Ты больше дълаешь: отечество, вънецъ И самъ себя даешь въ плѣненье наконецъ. Сынъ побъдителя стократъ попранныхъ Грековъ, Уничиженіемъ быть хочешь челов ковъ. Чего иного ждать, кто мало чтить себя? Невинну оскорбить, достойно то тебя: Но въдай же и ты, что то меня достойно, Чтобы, презръвъ тебя, ждать мщенія спокойно. Я пънями себя не стану посрамлять; Еще пылаетъ кто, тотъ долженъ укорять. Не можешь, сею ты утъхой услаждаясь, И зря, какъ буду я, стоная и терзаясь, Моей тоской твое величить торжество, Тъмъ сердца твоего возвыся божество, По пъняхъ ей моихъ предстать въ покорномъ видъ: Не пѣни, государь, но кровь течетъ въ обидѣ. Чтобъ зрѣть меня въ стыдѣ, дерзнувши оскорбить, Въ единый хочешь день ты слишкомъ счастливъ быть. Ты стоновъ отъ моей любви не опасайся, Какъ хочешь тай, гори и въ страсти погружайся И прелестей въ красахъ иныя находи; Но если въришь мнъ, во храмъ ты не входи.

ЯРОПОЛКЪ.

Отъ пѣней бы твоихъ мой духъ возмогъ смутиться: А устрашить меня Рогнѣда тщетно льстится. Терзался, мысля быть я виненъ предъ тобой; Но радуюсь, нашедъ согласную со мной. Я обманулъ себя, твоихъ зря строгость взоровъ. Любиму должно быть, чтобъ ждать себѣ укоровъ. Спокойно сердце днесь могу иной отдать. Давно бы намъ себя престати принуждать И, отвративъ сердца, не могши съединиться, Развратомъ таковымъ другъ съ другомъ согласиться: И ты могла бъ того оставить завсегда, Кто можетъ быть любимъ, и не былъ никогда.

РОГНЪДА.

Престолъ, отца и все на свътъ погубила; А я тебя, а я, о, варваръ! не любила. Что жъ дълала, скажи? искала ль я чего, Окромъ одного лишь сердца твоего? Не скажешь ли, твоей короны я желала? Не меньше ль твоея державы потеряла? Новградъ пріять меня мнѣ длани простиралъ. Не для тебя ль мой духъ въ немъ князя презиралъ, Которому меня, жестокій, ты вручаешь? Ахъ! чъмъ ты наградишь за то, чего лишаешь? Прибавь къ Владиміру всея вселенной власть, Давать законъ царямъ его пусть будетъ часть, Отдай и свой вънецъ, въ пустыню удалися: Послѣдую тебѣ, лишь только обратися. Я тамъ, владъючи единымъ лишь тобой, Превыше всѣхъ царей, блаженна той судьбой, Ни тронамъ, ни богамъ завидовать не буду

И, счастливъе всъхъ, съ тобой весь міръ забуду. Ты видишь, и теперь еще ты какъ мнъ милъ; Люблю невърнаго; а если бъ въренъ былъ....

Но ты ни слова мнъ, тиранъ, не отвъчаешь, Потеряннымъ со мной ты время почитаешь, И только ты отсель отвергнуться спѣшишь; Взираешь на меня, но ты меня не зришь, И обращаяся душею съ Клеоменой, Ты утъшаешься лютъйшею измъной. Ты здѣсь, но мыслію во храмѣ ты давно; Ты слышишь только лишь и видишь то одно. Безмолвенъ, очи ты безъ чувства простираешь: Ступай, злодъй, ты мнъ лишь сердце раздираешь! Но будешь отвъчать за низость мнъ мою, За стыдъ, за слезы тъ, которыя лію, За стоны горестны, за всѣ восторги тщетны, Которые тебъ въ сей часъ едва примътны, Которы слышати тебъ твой огнь претитъ. Сокройся отъ меня и скрой съ тобой мой стыдъ! Все кажетъ мнѣ твою ужасную измѣну; Ступай на смерть!

Уходитъ.

ЯРОПОЛКЪ. Узрю во храмѣ Клеомену.

======

дъйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНЪДА, одна.

Гдѣ я? куда иду?... отчаянна, смятенна, Судьбиною на край стремнины приведенна, Я чувствую, паду въ глубоку бездну бѣдъ! Я слышу, мнъ любовь, мнъ жалость вопіетъ: Постой, свиръпая! къ чему ты приступаешь, И радостей какихъ отъ мщенія ты чаешь? Свирѣпою рукой чью кровь теперь ліешь? Какіе ты плоды со злобы соберешь? Увидь того, кто былъ тебъ всего милъе, Попранна!... что сего возможетъ быти злѣе? Я зрю трепещуща его въ ручьяхъ крови, О, видъ, ужасный видъ!... се плодъ моей любви.... Геройское чело покрыто смертной тмою!... Пускай умретъ.... когда спрягается съ иною.... Иную онъ на одръ возводитъ и на тронъ! Иную.... сладокъ мнѣ его смертельный стонъ.... Почто же трепещу? почто же я страдаю? Ахъ! чувствую, что съ нимъ я купно умираю. Несчастная! умри, коль должно умереть; Но будь невинна.... Мнъ во торжествъ узръть, Который такъ меня жестоко оскорбляетъ, Который до того несчастну презираетъ, Что въ сей ужасный часъ, смертельный для меня, Изъ сердца совесть всю и честь искореня, И въдать онъ о томъ гнушается во страсти:

Жива ли я еще въ моей несносной части! Мнѣ жалость ощущать къ лютѣйшему врагу! Я ненавидѣти его не возмогу.... Онъ знаетъ, что ему я въ жертву приносила, Онъ вѣдаетъ, его какъ страстно бъ я любила. Всего лишилась я и все пренебрегла; И все бъ въ одной его любви найти могла. Погибнуть долженъ онъ и заплатить мнѣ кровью, Чего онъ заплатить не могъ своей любовью. Противъ преступниковъ коль громъ небесъ замолкъ, Я гряну въ гнѣвѣ....

ЯВЛЕНІЕ II.

РОГНѢДА, ВАЛЬМИРА.

РОГНѢДА. Что? Владиміръ?... Ярополкъ?...

ВАЛЬМИРА.

Во храмѣ Ярополкъ, и жертвенникъ пылаетъ.

РОГНЪДА.

Онъ живъ? злодъй!...

ВАЛЬМИРА.

И всю вселенну забываетъ.

Я видѣла, какъ онъ, любовью упоенъ, Неслыханнымъ своимъ безстыдствомъ восхищенъ, Гордяся гнусностью лютѣйшія измѣны, Не видя ничего при видѣ Клеомены, Тебъ объщанный вручая ей вънецъ, Въщалъ: «Я дълаю твоимъ бъдамъ конецъ. «Униженна судьбой, своимъ велика родомъ, «Владъй какъ мной, такъ симъ подвластнымъ мнъ народомъ.»

Потомъ, къ собранію смятенну обратясь: «Се вамъ владычица!...

РОГНЪДА.

Престань.... О, робкій князь! Владиміръ гнусный! ты, меча не извлекая, Сихъ словъ не прервалъ, грудь измѣннику пронзая! Чего ты ждешь?... И онъ мнѣ хочетъ измѣнить! Я вижу, должно мнѣ надежду отложить, Котору на сего я робкаго взлагаю. Ему ко счастію дорогу предлагаю; А онъ, я знаю то, онъ медлитъ и дрожитъ. Постой! то все одна Рогнѣда совершитъ. Пойду; и, въ ярости, отчаянной рукою, Не видя ничего въ смятеньи предъ собою, Повергну перваго представшаго очамъ; Не пощажу, хотя бъ то былъ Владиміръ самъ: Мнѣ срама сей злодѣй прибавилъ только къ сраму.

ВАЛЬМИРА.

Стопами томными онъ влекъ себя ко храму. Онъ шелъ служить тебѣ, владычицѣ своей, И на челѣ его, позорище страстей, Необычайныя я видѣла премѣны. Страшася гнуснаго онъ имени измѣны, Братоубійцемъ быть отъ ужаса блѣднѣлъ; И вдругъ отъ ярости какъ въ пламени горѣлъ,

Когда воображалъ, что тъмъ тебя лишится, Коль мщеніе твое въ сей часъ не совершится. Я видъла его имуща грозный видъ, И видъда, что онъ въ уныніи дрожитъ. Казалось мнѣ, уже и мечъ онъ извлекаетъ, Казалось, слезы льетъ и горестно стонаетъ, И словомъ, страсти всѣ его волнуютъ кровь: Отчаяніе, стыдъ, и жалость, и любовь. Стремится вихремъ вдругъ, и вдругъ онъ каменѣетъ.

РОГНЪДА.

Что жъ будетъ наконецъ? имъ радость овладѣетъ, Не сдѣлавъ ничего, придетъ передъ меня Хвалить свою любовь, меня одну виня. И что онъ сдѣлаеть?...

ВАЛЬМИРА.

Тебѣ ли сомневаться, Чтобъ волѣ онъ твоей не сталь повиноваться?

РОГНЪДА.

Ступай во храмъ, увидь ты робкаго сего, Всей Фуріи моей влей пламень ты въ него; Напомни, кто ему готовится въ награду: Скажи, что въ немъ одномъ я зрю мою отраду; Что, Ярополкову я мысля видѣть кровь, Ужъ стала чувствовать къ Владимиру любовь. Спѣши.... постой.... скажи, чтобъ, мечъ онъ въ грудь вонзая,

Сказать не позабылъ, что онъ, его терзая, Моей лишь ярости на жертву предаетъ. Вся сладость моего отмщенья пропадетъ, Коль, издыхая, врагъ мой лютый не узнаетъ, Что злость моя одна его во гробъ ввергаетъ.... Что слышу? стонъ и вопль наполнилъ воздухъ весь!

ВАЛЬМИРА.

Конечно, твой злодъй свой въкъ кончаетъ днесь. Возрадуйся, твоя свершилася побъда: Владиміръ обагренъ.

РОГНѢДА. Несчастная Рогнѣда!

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНѢДА, ВЛАДИМІРЪ, ВАЛЬМИРА, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Свершилось все!... мой братъ!... угодно ль то тебъ? Поверженъ Ярополкъ!... я мерзостенъ себъ!

РОГНЪДА.

Ужъ нътъ его!

ВЛАДИМІРЪ.

Увы! скончался братъ любезный!... Еще ль не въришь?... върь, мои зря токи слезны.... Зря ужасъ на лицъ, жестокая, повърь!... Я самъ себя страшусь!... довольна ль ты теперь? Спокойна ль?... торжествуй!... насытилася злоба! Низверженъ братомъ брать во мрачны тъни гроба! И блъденъ, и кровавъ!... его померкшій видъ

Владиміру Небесъ отмщеніемъ грозитъ. Повсюду слѣдуетъ сей страшный зракъ за мною! Братоубійца я! Мнъ нътъ нигдъ покою!... Я зрю, какъ воинствомъ моимъ онъ окруженъ, Въ минуту острыми мечами изъязвленъ, Взирая на меня укоровъ полнымъ окомъ, Измѣны смерть вкушалъ въ молчаніи глубокомъ. Я слышу сей его мой духъ пронзившій гласъ, Которымъ совершилъ онъ свои послѣдній часъ: «Оставьте, Небеса, вы брату ослѣпленну «Вину его, не имъ, но страстью сотворенну!...» Ставъ гнусенъ и себъ, и смертнымъ, и богамъ, Хотълъ бы я въ сей часть себя убъгнуть самъ!... Но ты осталась мнъ единая отрада. Ужели рушилась межъ нами вся преграда? О, плодъ, дражайшій плодъ злодъйства моего! Ужель все кончилось для мщенья твоего?

РОГНЪДА.

Ахъ, что содълалъ ты!

ВЛАДИМІРЪ.

Что злость твоя велѣла, Въ чемъ кровь противилась, чего любовь хотѣла, И, словомъ, лютый твой исполнилъ я приказъ.

РОГНЪДА.

Сокройся отъ моихъ, чудовище, ты глазъ! Не множи моего смертельнаго мученья, Не представляй ты мнъ ужаснаго видънья Въ крови омытыхъ рукъ!... Кого ты умертвилъ? И чью ты пролилъ кровь? и чъмъ онъ виненъ быль?

За что? и кто велѣлъ? кто въ томъ тебя наставилъ? И кто судьей тебя надъ княземъ здѣсь поставилъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу! Небеса!... не ты ль велѣла мнѣ? Не ты ль, жестокая? Иль было то въ снѣ?

РОГНЪДА.

Велѣла я; но ты ль то долженъ былъ исполнить И кровью братнею мъста сіи наполнить? Велѣла я; почто ты вѣрилъ мнѣ, злодѣй? И, ослѣпленіе ты страсти зря моей, Стремясь къ злодъйствію, почто не возвратился? На грудь подъявши мечъ, ты какъ не устрашился? Почто ты не пришелъ еще меня спросить? Ты, можетъ быть, меня возмогъ бы умягчить. Но, нътъ; ты братниной алкалъ напиться крови, Ты смерти моея искалъ, а не любови. Зачѣмъ сюда пришелъ? Ты въ Кіевъ миръ принесъ, Какой ужасный миръ! источникъ смертныхъ слезъ! Когда бъ не осквернилъ ты града пребываньемъ, Когда бы воздуха не заразилъ дыханьемъ, Еще бы Ярополкъ, въ волненіи страстей, Пристанища къ бѣдѣ не избралъ бы своей; Колеблясь, между насъ донынъ бъ не ръшился, И, можетъ быть, ко мнѣ бъ впослѣдокъ обратился. Ты смерти моея единая вина? Тобой, злодъй, всего Рогнъда лишена! Тобою дней своихъ Рогнъда ненавидитъ? Мнъ гнусенъ солнца свътъ; его Владиміръ видитъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чей слышалъ голосъ я? и кто мнъ здъсь въщалъ? Рогнъда ли была? иль адъ ко мнъ дышалъ? О, братъ несчастный! О, фурія презлая! Вадимъ! я виненъ тъмъ, что злость ея слъпая Моею пользуясь несчастной страстью къ ней, Соединивъ меня со яростью своей, Прегнуснъйшимъ въ сей день злодъемъ учинила?.... О, страшная любовь! ты все теперь свершила. Любовницы своей невиннаго отца Лишилъ я и сыновъ, и жизни, и вѣнца: Противъ отечества и брата воружился, Терзалъ моихъ гражданъ, ихъ кровью обагрился! Къ злодъйствамъ симъ чего не доставало мнъ? Но мало то: я къ сей приблизился странъ Подъ видомъ утвердить отечества спокойство, Во сердцъ ярость несъ, являючи геройство. Здъсь князь и братъ меня какъ друга воспріялъ: Онъ мнѣ даруетъ то, чего я столь алкалъ: По храмъ зря меня, меня еще лобзаетъ; А братъ ему, а братъ во сердце мечъ вонзаетъ!

ВАДИМЪ.

Оставь раскаянье безплодное твое; И, въ пользу время ты употребя сіе, Старайся избѣжать гражданей здѣшнихъ злобы. Ты князя ихъ сразилъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Пускай готовятъ горбы

Они обоимъ намъ.

Хочетъ заколоться.

ВАДИМЪ, отнимая мечъ.

Сбери разсудокъ твой,

И вспомни: обществу ты долженъ самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Гдѣ я?... густая мгла мнѣ очи помрачаетъ. О, страшна тишина! никто не отвъчаетъ. Не вижу я тебя, небесъ пресвътлый верхъ. Живаго кто меня въ подземны бездны свергъ?... Мое злодъйствіе.... Какіе скорбны стоны!... Не здѣсь ли строгіе и праведны законы Безсмертныхъ истину злодъямъ казнь вершатъ? Какія дремлющи свъщи меня страшатъ? Во мракъ тартара лишь ужасъ умножаютъ! Какія блѣдныя мнѣ тѣни угрожаютъ? То жертвы, яростью пожертыя моей!... Вотъ слъдствіе въ страстяхъ заблуждшихся князей! Кровавые ручьи и виды только мертвы.... А вы, несчастные! моей вы злости жертвы! Граждане! коихъ кровь рѣками проливалъ, Страданье ваше все я въ сердце воспріялъ!... Престаньте мучити порочна, но несчастна, И сжальтесь надо мной!... о, жалоба напрасна! Немилосердаго кто хочетъ пощадить?... И ты, мой братъ, ты здѣсь!... престань вину твердить Злодъю твоему, убійцъ и тирану; Закрой еще твою дымящуюся рану,

Котора на меня отмщеньемъ вопіетъ, Которая не кровь, но казнь мою ліетъ.... Рогнѣда!... Ярополкъ, сокроемся отселѣ!... Зри страшну фурію въ ея прекрасномъ тѣлѣ; Смотри, какъ взоръ ея отъ ярости горитъ; Взираетъ молніей и громомъ говоритъ. Какая злость!... Еще ль ты алчешь нашей крови? Еще ли ищешь ты злодѣйствъ въ моей любови? Но ихъ умножити что можешь изобрѣсть?

ВАДИМЪ.

Спасемъ его, спасемъ, доколъ время есть!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкъ научно-проектной документаціи.

Если Вы имъете возможность помочь намъ въ дълъ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счеть получателя: 40703810655100000343 въ Съверо-Западномъ банкъ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

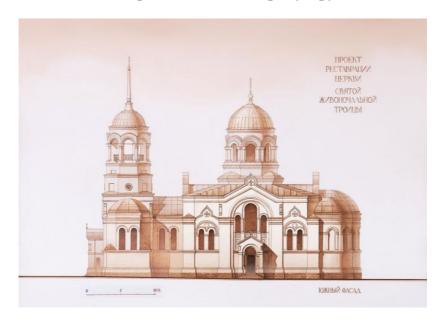
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвишахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653. БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступять на расчетный счеть.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]